

ПЕРВЫЙ ВТОРНИК

Рисунок С. Стихина

Андрей ИЗМАЙЛОВ

Прищур у одного из этих парней был узким, холодным, острым, поблескивал сталью. Бритва в его руке тоже поблескивала — узкая, холодная, острая. И держал он ее профессионально: чуть на отлете, вращая кистью. Другой — тоже профессионал. Доннышко бутылки отлетело у него почти бесшумно, без стеклянных брызг — хр-ррр-руп! И зеленые, мутно-прозрачные клыки теперь целили прямо в лицо.

Они вообще были парни не без выучки. И тот, который оглаживал в ладони мячик, мягко оглаживал. Чтобы, упаси господь, кислота не капнула на комбинезон, а выстрелила дюжиной упругих фонтанчиков. Стоит чуть сжать мячик.

И четвертый тоже... У него в руках ничего не было, да и руки болтались как тростниковая занавеска. Но Хаки помнил эту натренированную безвольность у сержанта, который полгода мордовал роту перед заброской на Плато. Помнил, чем взрывалась эта безвольность.

Так что Хаки быстро сообразил, что последний из этой четверки, взявшей его в кольцо, — самый опасный. И начинать надо именно с него, с Безвольного. Тем более, Безвольный стоит вне блока — явно не подозревает, что Хаки знает «винтокрыл». И хотя со времен Умиротворения прошло без малого десять лет, на «винтокрыл» его еще хватит. Тем более, Безвольный медлит. Вообще, все четверо почему-то медлят.

И Хаки включился. На средние обороты. У него уважаемое заведение. Патруль заглядывает к нему только пропустить стаканчик. Других дел у Патруля к Хаки нет. И трупы в его уважаемом заведении не нужны...

И Безвольный завязался в узел, не успев войти в блок. Мячик пробил стойку головой. Клык, подрубленный под щиколотки, махнул руками, ища точку опоры, и на этот раз уже непрофессионально шарахнув бутылкой о край стола, свалился лицом в осколки. Бритва мазнул лезвием по воздуху и приложился затылком к рифленой ступеньке.

Хаки сбавил обороты на нет, вылил неразбавленного на полотенце и вытер лицо, шею — все-таки тяжеловат стал для «винтокрыла». Потом плеснул в стакан на два пальца, разбавил до четырех. Потом швырнул содержимое себе в рот и, запрокинув голову, сделал «гл-гл-гл».

...Когда сознание к нему вернулось, заколотил кашель. Хаки перхал, проламывая внезапную перегородку в гортани. Несуществующую перегородку. Которая возникает после удара по горлу...

Крепкие парни! Правильно угадал Хаки. Профессионалы! После «винтокрыла» очухаться, сориентироваться и достать! И еще как достать!

Хаки был аккуратно и плотно втиснут в угол, и ноги его задраны выше головы. Не оттолкнуться. А если бы и оттолкнуться, если бы найти точку опоры и оттол-

кнуться, то... Против четверых «винтокрылов» — один?! Первый раунд он выиграл, да. Но тогда они не знали, что Хаки отбарабанил свое в Корпусе Умиротворения на Плато. Теперь же — начеку. И подогретые.

Хотя они уже ввалились подогретые. И заорали, что, хозяин, четыре двойных, что Док хорошо бежит, что Док даст сто очков вперед Милашке, что Милашка уже выдохся и просто-напросто не добежит, что вся милашкина команда в подметки не годится команде Дока, что жирные коты Милашке не помогут, что у Дока коты пожирнее, что, хозяин, еще четыре двойных и один для себя, что за победу Дока надо выпить, что нельзя не выпить за победу Дока, что еще не первый вторник после первого понедельника, но уже ноябрь, что Док, можно сказать, добежал.

Только они не такие подогретые были, какими хотели казаться. И Хаки, не любивший, чтобы его держали за идиота, прикинулся идиотом и спросил:

— А что, ребята, стипль-чез — штука коварная. Попадет ваш стиплер копытом в ямку, и ну — как вашего Дока Милашка и обойдет?

Хотя он не был идиотом. И знал, что Док и Милашка — не мерин с кобылой, а кандидат и кандидат. И бега — выборы. И финиш, до которого оба бегут, — тот самый первый вторник после первого понедельника ноября. И повелось так в их благословенной стране давно, с самого начала, триста лет как.

Хаки был далек от политики. Была у него мечта — скопить монет и открыть свое дело. И он сам ее, мечту, осуществил. Без всякой политики. Без Дока, без Милашки. И хотя исполнилось ему сегодня сорок, то есть получил он право голоса, — его это не щекочет. Он бы вообще из-за стойки не шелохнулся, если бы не Закон. Который ввели еще до его, Хаки, появления на свет. Лет полста назад. Когда в первый вторник после первого понедельника ноября вообще никто не проголосовал. Начхать было избирателям, кто на них верхом сядет. Что тот, что другой. Вот тогда и Закон провели — избиратель обязан отдать свой голос либо за одного, либо за другого. Иначе...

Хаки — что? Хаки закон уважает. Хаки пойдет и проголосует. Хаки все равно за кого голосовать.

И парни его еще похлопали по плечу, еще погоготали. Потом сказали, что ладно, хозяин, с тобой не соскучишься, что ладно,

хозяин, мы шутки понимаем и вместе посмеемся, что ладно, хозяин, посмеялись и будет...

Но Хаки был упрям. И кончилось это для него тем, что втиснут он в угол собственного заведения, и ноги торчат выше головы.

А Безвольный сонно смотрит на него и говорит:

— Сейчас, хозяин, тебе будет больно. Сейчас мы будем делать тебе очень больно. А потом ты пойдешь в первый вторник после первого понедельника и отдашь свой голос за Дока. А если ты взбрыкнешь и сваляешь дурака в пользу Милашки, тогда тебе будет очень больно.

Хаки не смотрел на этих четверых. Он смотрел на тростниковую занавеску за их спинами. Время Патруля. Пошло, время Патруля.

Занавеска рассеклась надвое. Не Патруль. Еще четверо. Тоже крепкие парни. Удавка у одного, цепь у другого, еще кастет с шипами. И четвертый опять с пустыми руками, как у Безвольного.

Да, подумал Хаки. Да, сейчас мне будут делать больно, подумал Хаки. Хотя для того, чтобы сделать очень-очень больно, хватило бы четверых, подумал Хаки. Еще он подумал: может, они друг друга будут сменять?

Но они не стали друг друга сменять. Безвольный поймал взгляд Хаки и обернулся. Остальные трое тоже обернулись. И те четверо застыли. И эти четверо тоже. Молча. И все разом взорвались «винтокрылом» на предельных оборотах. Это была рубка. Бесшумная, сосредоточенная.

Ничего себе — день рождения! День рождения — что надо! Да-а-а...

* * *

...И Док призвал нацию смотреть вперед, для чего — оглянуться назад. Да, назад! Кто десять лет назад внес законопроект о признании за синюшниками всех гражданских прав и свобод?! Да, друзья, соратники, собратья, он, Док, слышит ваши благодарные аплодисменты.

Вспомним, друзья, соратники, собратья, когда каждый из вас приютил по дюжине синюшников, дав им крышу над головой, хлеб насущный, успокоение в вере. Вспомним и представим, что законопроект не прошел! Кто бы сейчас вспахивал поля, чтобы вы имели кусок яблочного пирога, которым готовы поделиться со страждущим?! Кто бы сейчас буравил

породу в урановых шахтах и рудниках, чтобы вы имели свой очаг, к которому готовы пригласить страждущего?! Кто бы сейчас месил термосмолы, без которых все вы ходили бы в чем мать родила, и никто не смог бы поделиться со страждущим последней рубахой.

Да, друзья, соратники, собратья, я слышу ваш смех. Это смех здоровой, процветающей, неунывающей страны бога и моей!

Синюшники, десять лет назад обнаруженные на Плато, беспрекословно прошедшие Умиротворение доблестными парнями нашего славного Корпуса и доставленные на Землю, по сей день оставались бы экзотическими недоносками, которых Господь в своей безудержной щедрости наделил разумом. Ибо враги нашей свободной демократии заявили, что использование синюшников на вредных, тяжелых работах — есть рабство! Рабство, друзья, соратники, собратья! Позорное пятно в нашей истории. Пятно, которое удалось смыть прапрадедам нашим. И нам ли не помнить, кто препятствовал этому?! Прапрадеды Милашки и всей его шарашки...

Могли ли мы вернуться к позору нашему — рабовладению?! Нет и нет! Мы сделали синюшников полноправными гражданами!.. О каком рабстве может идти речь?! Мы обеспечили синюшников необходимым — работой. И теперь каждый из вас имеет дюжину, а то и две синюшников для личных нужд! Оглянитесь назад, друзья, соратники, собратья. Теперь киньте взор вперед! Теперь посмотрите мне в лицо! Это лицо человека, который десять лет назад взял нацию за руку и повел ее к Мечте! До Мечты рукой подать — один день до первого вторника после первого понедельника и еще четыре года! Не так ли?!... Правильно — ура!

* * *

...И Милашка призвал нацию прислушаться к Доку и по призыву Дока посмотреть Доку в лицо. И потом в это лицо плюнуть! Да, плюнуть! Десять лет назад эта синюшная рожа провела свой вшивый законопроект! И синемордые живут с нами в одних домах, ездят в одних машинах, летают в одних шляпах!

Разве синюшники могли бы вякнуть, если бы не вшивый законопроект, которым так гордится Док и его придурки! Да,

гордится! И если бы не мой законопроект о праве на голосование с сороковника, кто поставит хоть одну монету против того, что сейчас мы бы не имели в кандидатах кого-то из синемордых! Хотели бы вы, добрые граждане, чтобы на Холм взобралась синюшная тварь?! ...Спокойствие, добрые граждане! Спокойствие!!! Этого не будет! Пока я стою на защите ваших интересов! Ваши интересы — мои интересы! Самый долгоживущий синюшник дотягивает до тридцати пяти наших земных лет! Это благодаря мне ни один синемордый не подойдет к урне!

Четыре года, которые мне предстоит провести на Холме, каждый из вас может быть спокоен — синюшники будут знать свое место! И Док со своей шайкой тоже будет знать свое место!

* * *

Док продвигался медленно. От Поста-мента до открытого мобиля была сотня ярдов. Но эту сотню ярдов надо было пройти не спеша, с достоинством. Улыбка, рукопожатие, улыбка, рукопожатие, еще улыбка. Ему нечего опасаться. Ему, Доку, который приведет свой народ к Мечте. Народ, его народ, любит его, ему нечего опасаться. Он даже последнюю речь произнес с открытого Постамента! И мобиль у него обычной модели, без верха. Каждый, кто завтра придет на избирательный участок, видел сегодня бесстрашие Дока, бесстрашие будущего хозяина Холма! С таким парнем, как Док, можно не опасаться за будущее!

Это вам не Милашка, который прячется на Постаменте под Колпак! Это Вам не Милашка, который свои сто ярдов до своего пуле-бомбо-плазмозащитного мобиля идет по бронекоридору.

И хотя Док продвигался медленно, поймать его на мушку было трудно. В прицеле снайперского скрючера мелькали спины тех, кто жаждал пожать руку будущему хозяину Холма. Силовая Защита — отличная штука! И главное — невидимая! Но сто ярдов Док должен пройти без Покрытия. Сквозь Силовую Защиту руки не подашь...

Док добрался до мобиля и взялся за ручку дверцы. Пространство между ним и скрючером на миг очистилось от спин. Док открыл дверцу мобиля и, обернувшись к толпе друзей, соратников, собратьев, воздел руку в прощальном приветствии.

Скрючер с коротким жужжанием выпустил заряд.

Док схватился за плечо, улыбка на лице остановилась. Белый комбинезон безнадежно изгажен ярко-красной кляксой, которая лениво расплывалась под рукой.

* * *

Команда Дока видела все. Визион показал и то, как парни Дока в мгновение сориентировались, сделали Стену между мобилем и толпой. Как мобиль рванул с места. Как один из друзей, соратников, собратьев тыкал флажком с эмблемой Дока в шлюп, повисший над головами. Как парни Дока с бедра зажужжали скрючерами по шлюпу парализующими зарядами. Как шлюп стал опускаться все ниже и ниже. Как толпа взревела: «Есть!!!» Как шлюп спланировал и проскрежетал на брюхе. Как друзья, соратники, собратья орали и бежали к шлюпу. Как парни Дока опередили всех и успели сделать Стену вокруг шлюпа. Как из внутренностей шлюпа вывернули наружу лысого человечка со скрючером в руке и типовой эмблемой Милашки на комбинезоне.

— Это хороший Инцидент! — сказал первый из команды Дока. — Он нам даст по голосу с тысячи. Особенно после того, как все услышат слова Лысого.

— Да, Инцидент сделал из Дока сильную фигуру, — сказал второй. — Но вы посмотрите, что вытворяют Милашка и его парни!

— Да, это тоже хороший Инцидент! — сказал третий. — Но они опоздали...

В параллельном визионе, чередующем крупный план Милашки под прозрачным Колпаком с общим планом его добрых граждан, происходил Инцидент-2.

Визион показал лохматого парня. Лохматый парень выбросил вверх Что-то. Это Что-то ударилось в Колпак, скатилось по его стенке и бабахнуло у основания Колпака. Колпак стал крениться набок.

Еще визион дал всеобщий план. Милашка тяжело ворочается в луже красного на дне Колпака. Команда Милашки палит из скрючеров по Лохматому. Лохматый срезан на взлете. Лохматый пикирует в Колпак. Милашка уже стоит, чуть сгорбившись и покачиваясь. Милашка встречает Лохматого прямым блоком, ухватывает за ворот комбинезона и резко рвет вниз. Из прорехи сыплются эмблемы Дока.

Орава ревет.

* * *

Команда Милашки видела все.

— Мы им вставили! — сказал первый из команды Милашки. — Парни Дока опередили нас всего на пару минут, зато Милашка взял Лохматого сам, своими руками.

— Да, мы им вставили, — сказал второй. — Но парни Дока все-таки нас опередили. И будут говорить о праведном гневе, вызванном покушением на Дока.

— Но мы им все равно вставили, — сказал третий. — Что бы ни болтали парни Дока о праведном гневе, Лохматый скажет все, что нужно, чтобы они заткнулись.

— Да, — сказал четвертый. — Лохматый скажет. И они заткнутся. Но у них Лысый. Лысый скажет. И заткнемся мы.

— Да, — сказал первый. — Инцидент нам голосов не прибавит. У команды Дока головы тоже варят.

— Да, — сказал второй. — Но их Инцидент не прибавит голосов им тоже. Так что наш последний шанс — этот... как его?.. Хаки! И времени у нас меньше суток.

* * *

...И времени у нас меньше суток, — сказал первый из команды Дока. — Думаю, милашкина шарашка уже просчитала все варианты. Так что наш последний шанс — Хаки.

* * *

Эти в одинаковых белых комбинезонах, только с разными эмблемами нагрянувшие с утра, отнюдь не оспаривали его положение хозяина. Наоборот! Они хорошими, громкими голосами вещали в свои микрофоны, что именно он, Хаки, настоящий парень. Но Хаки не чувствовал себя настоящим парнем и хозяином как раз с тех пор, как все эти в белых комбинезонах притащились сюда в шлюпах и мобилках, расставили вокруг его заведения Ящики и устроили Аквариум. Потому, что хозяин не тот, кто живет в аквариуме, а тот, кто следит, как в этом аквариуме живет.

Ему исполнилось сорок, и по Закону он обязан отдать свой голос, иначе... И он бы его отдал. И когда кончилась рубка в его уважаемом заведении, ему было все равно, на кого ставить. Потому, что у первой четверки были эмблемы Дока, а у второй четверки были эмблемы

Милашки. И теперь Хаки не знал, на кого ставить.

Хаки проворочался в постели всю ночь. Ночь с первого понедельника на первый вторник. Он знал, что завтра должен отдать свой голос. Он только не знал, за кого. Он видел по визиону Инцидент с Доком, он видел Инцидент с Милашкой. Он был далек от политики и думал, что ему все равно, на кого ставить. Но четверо и четверо с разными эмблемами его насторожили. И Хаки проворочался в постели всю ночь. До тех пор, пока окно из черного не стало серым. И когда окно стало серым, Хаки увидел на фоне этого окна силуэт.

Хаки инстинктивно сделал блок, включился на полные оборо...

Человек сделал ему больно. Человек даже не двинулся с места, но сделал Хаки очень больно, начхав на блок и на полные обороты. Потом человек отдернул рукав комбинезона, и Хаки увидел на его запястье татуировку — знак Службы Безмятежности.

Что-то за последнее время слишком часто мне стали делать больно, подумал Хаки. Еще он подумал, что теперь понятно, почему он ничего не слышал, почему не сработал блок и полные обороты. Служба Безмятежности — это серьезно. И Хаки насторожился еще больше. Надо же! Служба Безмятежности! Что может понадобиться Службе Безмятежности от хозяина уважаемого заведения?!

И человек ему объяснил. И все оказалось просто. Оказалось, что интересы Национальной Безмятежности требуют от хозяина уважаемого заведения завтра... уже сегодня, в первый вторник после первого понедельника пойти и отдать свой голос за кандидата. И кандидат этот — Док.

Татуировка на запястье — не эмблема на комбинезоне. Так что Хаки отдаст свой голос Доку и за особые заслуги перед Службой Безмятежности получит кучу монет. Или Хаки не отдаст своей голос Доку. Тогда его, Хаки, просто дематериализуют. Он, Хаки понимает, что означает этот термин? Отлично! Он, Хаки, давно обратил на себя внимание Службы Безмятежности своей сообразительностью...

Так что все оказалось просто. От него, Хаки, которому вчера исполнилось сорок лет, зависело, кто взберется на Холм.

Так что все оказалось сложно. Потому, что человек Службы Безмятежности кончил объяснения, и тут раздался другой

голос: «Любопытный ход». И на фоне противоположного окна прорисовался еще один силуэт. Силуэт тоже отдернул рукав комбинезона, и Хаки увидел точно такую же татуировку.

— Все верно! — сказал второй. — Только наоборот. Голос не Доку, а Милашке. В остальном — без ошибок. И про интересы Национальной Безмятежности, и про дематериализацию, и... про кучу монет.

И Хаки не знал, на кого ставить. Эти двое не кинутся друг на друга, как те четверо и четверо. Каждый сотрудник Службы Безмятежности практически неуязвим. Но он, Хаки, уязвим. И еще как уязвим... И он, Хаки, сам бы отдал кучу монет, чтобы не стоять сейчас между этими двумя.

И по ногам ему сквозило. И окна из серых стали белыми. И первый вторник после первого понедельника вступил в свои права.

* * *

— Хаки — настоящий парень!!! — орал все эти в белых комбинезонах в свои микрофоны.

— Хаки знает, кому надо отдать свой голос!!! — орал все эти в белых комбинезонах в свои микрофоны.

— Хаки не из тех, кто отдает свой голос кому попало! — орал все эти в белых комбинезонах в свои микрофоны.

Еще они орал, что Хаки — это вам не хлюпик, Хаки знает, что ему устроили Аквариум! Знает, что за каждым его движением следят сотни и сотни тысяч добрых граждан, соратников, собратьев! Хаки понимает, какая на нем ответственность! Можно только восхищаться мужеством, с которым он, Хаки, несет бремя этой ответственности! Хаки все ни-почем, да!

Все эти в белых комбинезонах помимо Аквариума устроили Стену, и ему, Хаки, было некуда деться.

Ничего, он потерпит! И даже нальет себе порцию с содовой. И даже нальет себе колы. И выпьет с Милашкой. И с Доком тоже выпьет. Лишь бы Они не подумали, что Хаки решил, кому отдаст свой голос. Лишь бы Они его не дематре... Ну, вот то самое...

И они могут сделать то самое с ним в любой момент. Они могли сделать с ним то самое еще утром, когда двое из Службы Безмятежности посетили его. Но тогда для всех них было бы «ноль — ноль». И Они

правильно решили, что «ноль — ноль» от них никуда не денется. И сейчас все Они устроили для Хаки Аквариум с тем, чтобы весь народ мог видеть его, Хаки, каждую секунду. И не упустить момента Решения. А реакция возможна только одна. И тогда — «ноль — ноль». Но тогда одна сторона будет козырять своей гуманностью против зверской реакции другой стороны. И выиграет. Но где какая сторона — ему, Хаки, будет уже все равно.

Лучше бы ухлопали кого-нибудь, и соотношение бы нарушилось, подумал Хаки. Но потом вспомнил четверых и четверых. Вспомнил Службу Безмятежности и сообразил, что Они предусмотрели такие варианты. И сколько трупов положит одна сторона, столько же положит и другая. Так что решать только ему. И как бы он ни решил...

Док, едва оклемавшись после Инцидента, продел руку в черную перевязь и с утра облюбовал уважаемое заведение Хаки, посасывая колу и показывая всем друзьям, соратникам, какой он, Док, демократичный.

Милашка тоже прихрамал после Инцидента сюда же и глотал порции с содовой, показывая добрым гражданам, какой он, Милашка, демократичный.

И оба они не говорили о политике, о красной и синей опасности, о законопроектах и поправках. Они просто демонстрировали, какие они отличные ребята.

И они на самом деле выглядели отличными ребятами, черт побери! А все эти в белых комбинезонах орал в свои микрофоны, что он, Хаки, отличный парень! И почему бы этим отличным ребятами не поладить между собой?!

И Хаки рад был поладить, но не знал, на кого ставить. Вернее, знал: на кого бы он ни поставил...

* * *

Они устали, Милашка стал терять контроль над собой и прихрамывал на другую ногу, демократично курсируя от столика к стойке за порцией с содовой и обратно. Док стал терять контроль над собой и хватал стакан с колой той рукой, что на перевязи, демократично провозглашая здоровье хозяина и процветание уважаемого заведения.

Но на них вряд ли обращали внимание владельцы визионов, прилипшие к экранам. Хаки! Вот сейчас фигура номер один!

Фигура номер один традиционно верте-

ла в руках стакан, накручивая его на салфетку. Хаки занимался делом. Дел у Хаки в этот день было много. Например, приготовить Милашке очередную порцию.

— Сейчас он покончит с этим делом и скажет!!! — надрывались микрофоны...

Например, откупорить Доку очередную колу.

— Сейчас он покончит с этим делом и скажет!!! — надрывались микрофоны...

Например, протереть стойку...

— Сейчас он покончит с этим делом и скажет!!!!..

...Накручивать стакан на салфетку Хаки мог долго. Работа у Хаки такая. Накручивать стакан на салфетку, пока сил хватит. Визионы крупно показывали его руки, микрофоны надрывались, что в этих крепких руках не только стакан и салфетка, но и судьбы Холма на четыре года вперед.

Хаки заложило уши от микрофонов, глаза воспалились от направленных пучков.

Да, Хаки, в твоих руках судьба Холма на четыре года вперед, думал Хаки. Только твоя собственная судьба в руках других. И не на четыре года вперед, а на все время, оставшееся до встречи с всевышним, думал Хаки. И время это — не четыре года, а очень может быть — четыре часа. Если ничего не изменится...

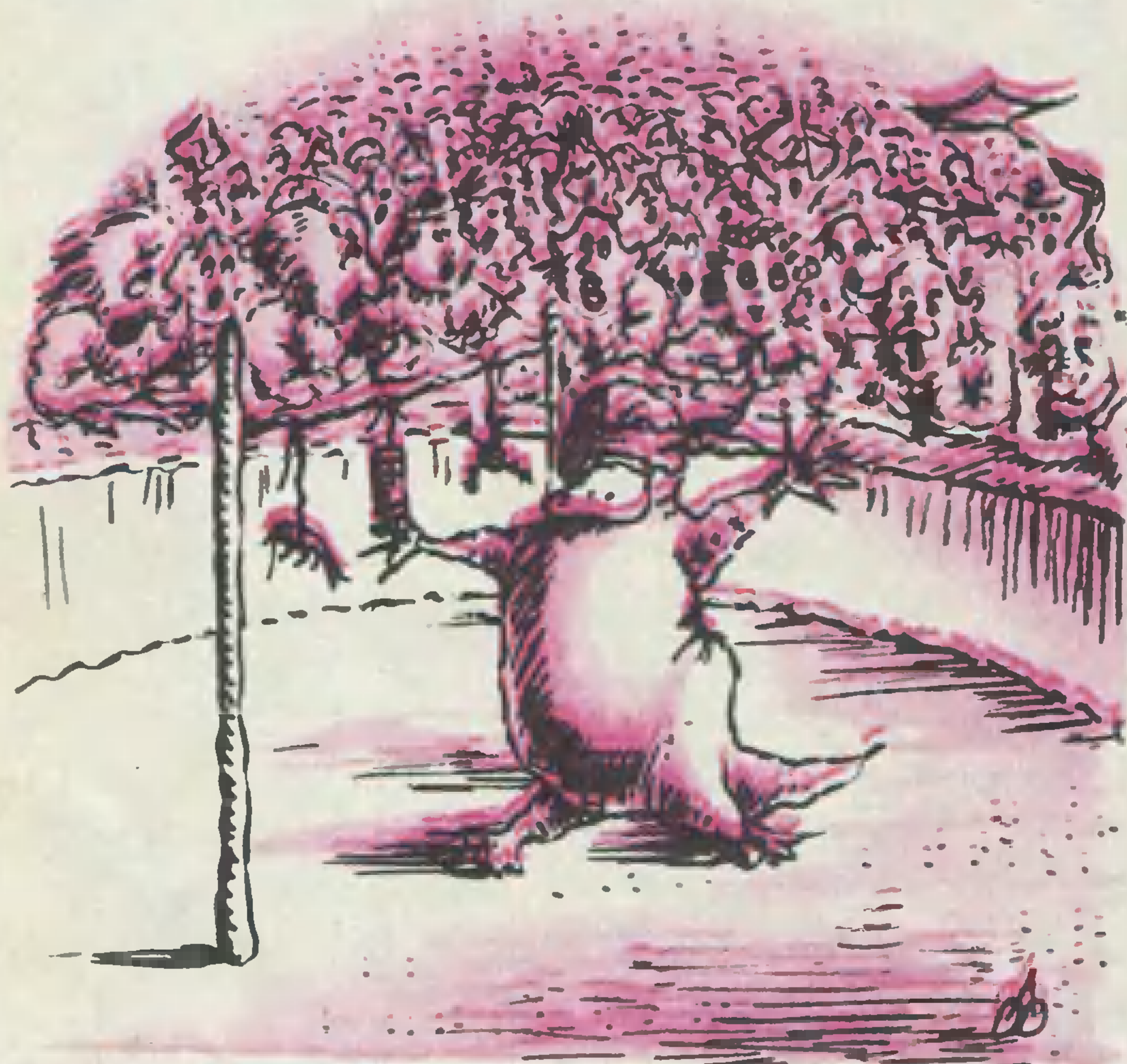
Но что может измениться?! Хаки отдает голос Доку — с Хаки покончено. Хаки отдает голос Милашке — с Хаки покончено. Хаки никому не отдает голос — с Хаки покончено. По Закону.

Хаки поднял глаза к небу, мысленно призывая господу в помощь. И сквозь потолок своего уважаемого заведения, ставшего Аквариумом, он увидел небо. И на фоне белого с голубым — шлюпы. Под одним висел портрет Дока, под другим — Милашки. И Хаки перестал призывать господу в помощь, а послал его к дьяволу.

Хаки потянул с плеча салфетку. Салфетка сползла и повисла у Хаки в руке. Белая. Хаки уткнулся в нее. И заплакал.

г. Ленинград

УТКОНОС НА ЭЛЕКТРООХОТЕ

Животные продолжают подавать «заявки на изобретения». На берегах водоемов Восточной Австралии и Тасмании обитают утконосы. Эти существа с перепончатыми лапами и плоским клювом обнаруживают движущуюся в воде добычу — креветок и лягушек — улавливая идущие от них электрические сигналы. Сотрудники одной из лабораторий Дармштадского университета (ФРГ) обнаружили в голове утконоса специальные образования — рецепторы электрических сигналов. Их наличие подтвердили и австралийские ученые. Когда в бассейн к утконосам опускали электрические батарейки, животные тут же их находили. И при этом совершенно не реагировали на мертвых креветок, брошенных в воду для приманки.

Способность улавливать электрические сигналы до сих пор была обнаружена только у рыб и у нескольких видов личинок земноводных.

«Рейтер» 18,11,1985

КОНЪЮНКТУРА

Алексей ЛЕОНИДОВ

I
Мистер Ирвен Свенсон, президент крупнейшей компании «Бизнес Эвривэ», удобно расположившись в мягком кресле производства фирмы «Свенсон Фёнича», просматривал утренние газеты. Заголовки статей, грозя поглотить друг друга, кричали о том, что население земного шара достигло шести миллиардов человек и что 5000 термоядерных ракет снято с вооружения в результате международных соглашений...

Рисунок А. Балдина

— Пять тысяч ракет, гм..., — пробурчал Свенсон и, выпустив синий клуб дыма, устремил долгий задумчивый взгляд в окно, за которым плескались холодные морские волны. Он то хмурил лоб, сосредоточенно что-то прикидывая, то тщательно шлифовал кончик носа указательным пальцем левой руки. Наконец, решительно пододвинул к себе лист бумаги и взял карандаш.

— Шесть миллиардов человек, гм... скажем, по два доллара..., — размышлял он вслух, — ... двенадцать миллиардов долларов... гм! Неплохо! Не-пло-хо! Свенсон удовлетворенно откинулся на спинку кресла и с наслаждением затянулся сигарой.

— Не-плооо-хо, — пропел Свенсон и решительно нажал кнопку селектора. В кабинет вошла секретарша с блокнотом в руках.

— Да, мистер Свенсон?

— Садись, Долли. Пиши. В одном экземпляре. Мистеру Джону Смит — президенту «Рокет Индастри Корпорэйшн». Лично. Уважаемый мистер Смит. Имею удовольствие предложить Вам следующую сделку.

Джон Смит был в плохом настроении. Его компания — крупнейший производитель ракет — в последнее время испытывала большие трудности со сбытом продукции.

— Черт побери, Трабл! Кто мог подумать, что переговоры с русскими зайдут так далеко. Мы потеряли заказы у себя и за океаном. Что вы собираетесь делать, Трабл, с игрушками, которыми, черт побери, переполнены наши склады? Может быть, предложить их по доллару за штуку в качестве бенгальских огней для рождественского фейерверка, а?

Президент не скрывал своего раздражения, и Трабл, директор департамента по сбыту, почувствовал, как тугой комок подкатывает к горлу.

— Гм...гм..., — откашлялся Трабл, — мистер Смит, еще остается надежда на нашу последнюю модель — «Мистер Икс», но...

— Ерунда! — прервал его Смит, — «Мистер Икс» потерял свою маску, а мы теряем заказы. Что вы собираетесь делать с этой кучей железа, хотел бы я знать?

Даю вам месяц. Вы избавляетесь от ракет или я избавляюсь от вас!

Оставшись один, Смит подошел к окну. Густой смог висел над городом, закрывая горизонт.

— Никакой перспективы, — пробурчал Смит. — Не лучше ли перейти на производство очистных установок, черт побери...

III

— Долли, детка, я доволен тобой, — произнес Зигфрид Вулф. — Эти парни слишком много хотят взять на себя!

Зигфрид Вулф, мультимиллионер, был весьма влиятельным человеком в деловых кругах. Поговаривали о его «темном» прошлом, но эти разговоры не мешали карьере. Долли Фокс — секретарша Ирвена Свенсона — давно была связана с Вулфом и регулярно снабжала его информацией о деятельности конкурирующей фирмы. Вот и сейчас она доставила копию письма, продиктованного Свенсоном для Джона Смита.

Вулф выдвинул ящик стола и вынул пачку банкнот.

— Долли, дорогая, я думаю, тебе пора сменить «Датсун» на «Мерседес».

Проводив миссис Фокс до дверей кабинета, босс проворчал:

— Эта сделка не должна состояться.

IV

Джон Смит еще раз перечитал личное письмо президента «Бизнес Эвривээ», схватил карандаш и быстро произвел какие-то подсчеты. Лицо его ожило.

— Ха! Черт побери! Это стоящее дельце! Да! Это мне подходит, черт побери! Смит нажал кнопку селектора.

— Соедините меня с Ирвеном Свенсоном, «Бизнес Эвривээ».

Через несколько минут аппарат ответил голосом Свенсона.

— Хэлло, старина! — загрохотал Смит. — Получил ваше письмо. Думаю, что можно поговорить на эту тему.

— Я рад, мистер Смит. Думаю, вы понимаете, что это не телефонный разговор. Могли бы мы встретиться? Где мы организуем встречу?

— У меня есть предложение, мистер Смит. Через неделю я собираюсь на ярмарку в Лагос. Устраивает вас Лагос?

— Гм... один момент. Я смогу прилететь в Лагос дней через девять — десять.

— Неплохо, неплохо. И прошу вас, никому ни слова. До встречи!

Смит положил трубку и удовлетворенно потер руки. — Мне нравится этот парень Ирвен, черт побери! — воскликнул он.

V

Солнечным утром 8 мая 1999 года сверхзвуковой лайнер с Ирвеном Свенсоном на борту взял курс на Лагос. Трехчасовой полет обещал быть приятным. Мистера Свенсона окружал и комфорт и уют. Он попыхивал сигарой и бросал довольные взгляды на милых стюардесс, осыпавших пассажиров обворожительными улыбками. — Неплохо, не-пло-хо, — напевал под нос Свенсон, включая в это понятие и аромат сигары, и стройные фигурки стюардесс, и предвкушение от предстоящей выгодной сделки... Под мерный, убаюкивающий звук двигателей Свенсон незаметно для себя заснул...

VI

Командир экипажа включил автопилот и улыбнулся вошедшей в кабину стюардессе. Но они не успели сказать ни одного слова.

— Тревога, — прокричал второй пилот. — Давление горючего упало на 5 %... на 10 %!

Командир резко повернулся к пульту. Давление быстро падало. Тяга двигателей уменьшилась, и самолет стал терять высоту.

— Утечка топлива. Аварийная посадка, — скомандовал командир. — Штурман, дайте координаты ближайшего аэропорта и запросите посадку.

— Аэропорт Триполи. Курс 90, — через мгновение доложил штурман.

Самолет пошел на снижение. Высота 7000 метров... 5000... 1000 ... 500... Как раненая птица, лайнер низко летел над Средиземным морем, выливая в него сотни литров горючего.

На пульте вспыхнул сигнал короткого замыкания в двигателе номер два. Одновременно раздался взрыв. Гигантский самолет, объятый огнем, рухнул в море.

До Триполи оставалось 180 километров.

VII

Сообщение о катастрофе повергло Джона Смита в уныние. Это означало, что надежды на сделку рухнули. — Черт по-

бери! Черт побери! — сокрушался Смит. — И это техника кануна XXI века! Он тяжело вздохнул, вынул из стола авиабилет на Лагос и в сердцах швырнул его в корзину для бумаг.

VIII

Спасательные вертолеты прибыли в район катастрофы через полтора часа после гибели самолета. Удалось спасти четырех. В их числе оказался Ирвен Свенсон. Впрочем, с фортуной Свенсон всегда был на короткой ноге. Друзья даже прозвали его Счастличик Ирвен. Вот и сейчас, получив всего несколько ушибов, Свенсон собирался после непродолжительного отдыха в Триполи вернуться домой. Но жизнь изменила его планы, и Свенсон задержался в Триполи на три недели.

IX

Телефонный звонок Свенсона застал Джона Смита врасплох.

— Как, это ты, Ирвен? — закричал он в трубку, переходя «на ты». — Черт побери, а я уж думал, что тебя слопали акулы! Ха-ха-ха! На другом конце провода тоже раздался смех:

— Акулы? Ха-ха! Эти твари, Джон, не переносят запаха моих сигар!

— Послушай, Ирвен, как ты попал в эту историю, черт побери?

— Не знаю, Джон. Я заснул где-то над Европой, а проснулся... в море...

— Крепко же ты спишь, старина, черт побери! Послушай, Ирвен. Я в начале июня буду в Европе. Смог бы ты, скажем, числа пятого, приехать в Рим?

— Хорошо, Джон. Договорились.

X

Растянувшись на диване в купе скоростного поезда и посасывая свою любимую сигару, Свенсон предавался приятным воспоминаниям о чудесном отдыхе в Триполи.

На второй день после катастрофы он уже смог спуститься в ресторан из своего номера в гостинице. За завтраком Свенсон обнаружил, что сидит за одним столиком с очаровательной брюнеткой. Молодая француженка оказалась киноактрисой. Природа наделила девушку всеми данными, отвечающими самым высоким киностандартам. Не удивительно, что Свенсон подпал под чары прекрасной маде-

муазель. Время для него остановило свой бег.

Но бизнес есть бизнес. Приближалась дата встречи со Смитом, и Свенсон с сожалением прервал столь неожиданный медовый месяц. Со слезами на глазах они расстались на борту морского лайнера, следовавшего в Палермо. Получив от Ирвена заверения в том, что он вернется к ней, как только закончит свои дела, возлюбленная вручила ему небольшой изящный сверток с просьбой передать кухне, проживающей в Риме.

XI

Джон Смит второй день находился в «вечном городе» и с нетерпением ждал встречи.

За завтраком ему принесли срочную телеграмму: «Прибуду Рим четвертого вечерним поездом Палермо»

XII

Вечерний поезд из Палермо прибывал в Рим в 19 часов. Оставив для Свенсона записку у портье, Смит поднялся к себе в номер и погрузился в деловые бумаги. В 19.30, оторвавшись от дел, он включил телевизор и удобно расположился в кресле. Рассеянно бросая взгляд на экран, на котором мелькали кадры хроники дня, Смит продолжал думать о предстоящей сделке. На телеэкране появились кадры железнодорожной катастрофы. Перевернутые, искореженные вагоны, пожарные и санитарные машины, люди с носилками... Смит прислушался.

— ... предполагают, что катастрофа вызвана взрывом бомбы, подложенной в один из вагонов. Имеются жертвы: двадцать человек погибло, более сорока — ранено. Спасательные работы продолжаются, — звучал голос диктора.

Смит беспокойно заерзал в кресле и потянулся к телефону.

— Гм... соедините меня с информацией!

— Пожалуйста, синьор...

— Информационная служба. Что угодно синьору?

— Меня интересует, когда прибыл в Рим вечерний поезд из Палермо?

— ... Видите ли, синьор, поезд Палермо — Рим потерпел катастрофу... Если синьор ждет кого-либо с этим поездом, советуем навести справки в полиции.

Сведений об Ирвине Свенсоне в полиции не имелось.

XIII

Приятно возбужденный воспоминаниями о прекрасной француженке, Свенсон почувствовал желание выпить. Он закрыл купе и двинулся в бар, расположенный в головном вагоне поезда. Попыхивая сигарой и потягивая коньяк, Свенсон любовался прекрасным сицилийским пейзажем.

— Неплохо, не-пло-хо... — напевал Свенсон себе под нос. Настроение у него было таким же безоблачным, как голубое небо Италии...

Неожиданно вагон содрогнулся от сильного удара. Зазвенели разбитые стекла, заскрежетал металл. С визгом и грохотом пробежав еще несколько метров по железобетонным шпалам, вагон замер. Свенсон обнаружил, что он по-прежнему сидит в кресле, крепко вцепившись руками в подлокотники. Сознание его было ясным, мысль быстрой.

— Спокойно, Ирвен, спокойно, — размышлял он, — прежде всего проверь, в каком ты состоянии... Сильно жгло во рту. Свенсон сплюнул и благополучно избавился от огрызка своей любимой сигары. Ощупав лицо и тело, он убедился, что не пострадал. Это сразу придало ему силы и, спустя мгновение, Свенсон выбрался из вагона.

Прибывшая на место катастрофы полиция, задержала оказавшегося без документов Свенсона для выяснения личности.

XIV

Море было хмурым и неприветливым. Свенсон тоже. Он размышлял о бурных событиях последних дней.

— Две катастрофы за месяц — это многовато даже для меня, — думал он.

Свенсон нервно теребил пуговицу пиджака, одновременно проделывая ту же операцию с носом. Неожиданно пуговица оторвалась и оказалась у него в руке. Он собирался было отшвырнуть ее, но что-то остановило его. Свенсон оторопело уставился на пуговицу. Он немного разбирался в разного рода «штучках», столь популярных в большом «бизнесе подслушивания», но обнаружить такого «клопа» на своем собственном пиджаке для него было верхом неожиданности. — Неплохо,

не-пло-хо..., — бормотал Свенсон, осознавая, что дела обстоят скверно.

XV

По двадцатому коммерческому каналу ТВ мистера Смита вызывала Европа. Через мгновение Смит увидел на телеэкране озабоченное лицо Ирвена Свенсона.

— Хэлло, Джон!

— Свенсон! Ты жив, черт побери?!

— Не задавай глупых вопросов, — перебил его Свенсон, — и не забывай, что минута эфира стоит 800 долларов. Слушай меня внимательно и не перебивай.

— Мы «под колпаком» — продолжал Свенсон, — у меня есть основания утверждать это. Полагаю, что мои «приключения» далеко не случайность...

— Черт побери! — не выдержал Смит.

— Я пришел к убеждению, — закончил Свенсон, — что самым надежным местом для нашей встречи может быть только это... Свенсон развернул перед собой лист бумаги. — Это, Смит, — повторил он.

XVI

Зигфрид Вулф слушал сообщение своего помощника о ходе операции «Аллигатор».

— Шеф, эти парни догадались о наших хлопотах. Свенсон оказался более крепким орешком, чем можно было предположить. Вчера он связался по коммерческому телевидению со Смитом и договорился о новой встрече. Дата и место неизвестны. В настоящее время Свенсон путешествует по Европе. Как информировала Долли, отдыхает после своих приключений. Сейчас он в Париже. Джон Смит два дня назад вылетел на мыс Канаверал. Бизнес. Никаких попыток связаться друг с другом они больше не предпринимали. У меня все, шеф.

Вулф кивнул головой и, немного помолчав, сказал:

— Продолжайте операцию. Я должен знать, что у этих парней на уме. Пусть Долли поищет в его кабинете. Она умеет это делать.

XVII

После пережитого нервы у Свенсона начали сдавать. Отложив все дела, он устроил себе прогулку по Европе: Копенгаген, Гамбург, Амстердам, Брюссель, Париж и, наконец, Нант. Активный отдых очень скоро принес свои плоды. К концу

второй недели путешествия Свенсон снова был бодр и энергичен.

Заказывая гостиницу в Нанте, Свенсон забронировал номер на пять дней, но на второй день пребывания в городе неожиданно исчез.

XVIII

Телеграфные агентства многих стран сообщили, что 15 июля 1999 года с мыса Канаверал и с космодрома во Франции стартовали два космических корабля, которые должны доставить очередные экипажи, продовольствие, научную аппаратуру и туристов на орбитальную космическую станцию «Интеркослэб».

XIX

Зигфрид Вулф получил, что хотел. Долли Фокс удалось обнаружить в кабинете Свенсона обугленный лист бумаги. Через несколько часов специалисты Вулфа положили ему на стол копию восстановленного оригинала.

Теперь Вулф знал, где и когда должны встретиться Свенсон и Смит. Обстоятельства требовали его личного вмешательства в операцию «Аллигатор». Через час Вулф с помощником и еще два головореза на небольшом частном самолете поднялись в воздух. Над Альпами самолет попал в сильный грозовой фронт, потерял управление и врезался в гору.

XX

Джон Смит полудремал в салоне «Интеркослэб», когда туда энергично влетел человек в скафандре. Он сразу же поплыл по направлению к Смит, опустился рядом и скинул защитное стекло шлема.

— Хэлло, Джон!

— Ха! Ирвен! Рад встрече, старина! Давай-ка я тебя вытряхну из этого мешка.

Смит помог Свенсону освободиться от скафандра. Ему не терпелось услышать подробности о невероятных приключениях Свенсона, и тот удовлетворил его любопытство, в красочных тонах описав свои похождения.

Наконец, партнеры перешли к делу, ради которого они встретились в космосе.

— Послушай, Джон, не пора ли нам обсудить некоторые детали моего предложения?

— В самый раз, Ирвен. Валяй, старина.

— Итак, Джон, насколько я понимаю,

ты должен испытывать некоторые трудности со сбытом своей основной продукции...

— Гм, черт побери...— пробормотал Смит.

— Так вот, Джон,— продолжал Свенсон,— твои железки никому уже не нужны. Выброшенные деньги, старина!

— Ближе к делу, Ирвен, черт побери...— пробурчал Смит.

— Я собираюсь разместить у тебя большой заказ, Джон. Надеюсь, ты помнишь сумму? Мое условие,— продолжал Свенсон,— товар должен быть изготовлен из твоих железяк.

Смит промолчал и лишь поморщился.

— Готовый товар,— продолжал Свен-

сон,— через филиалы моей компании я распространю по всему миру. Прибыль поровну...

— Неплохо, черт побери! — воскликнул Смит,— но что за товар, Ирвен?

— Значки, Джон... Да-да, значки! Моя фирма выиграла конкурс ООН на лучший значок 2000 года. Надеюсь, ты помнишь, Джон, что 2000 год объявлен ООН Годом мира. Думаю, каждый житель планеты купит за два доллара сувенирный значок «Первое мирное тысячелетие», сделанный из металла последних термоядерных ракет.

Озаряя черноту космоса сказочным голубым сиянием, под ними медленно проплывала красавица Земля.

ИНФОРМАЦИЯ

АВТОМОБИЛИ СТАНУТ СЛОЖНЕЕ, ЕЗДИТЬ СТАНЕТ ПРОЩЕ

Считается, что коренных изменений в конструкции легковых автомобилей в ближайшие десятилетия не произойдет. Например, бензиновый двигатель останется даже в XXI веке. Но зато, сколько усовершенствований ожидается! Появятся, как предполагают, новые системы подачи топлива. К 2000 г., вероятно, найдут применение адиабатические двигатели, отличающиеся высоким к.п.д.; активные системы подвески с компьютерным управлением, которые улучшат ходовые качества машин и их надежность; радиолокаторы для определения расстояния до движущихся спереди и сзади автомобилей. Обычным атрибутом станут электрон-

ные регулируемые трансмиссии, устанавливающие оптимальный режим работы двигателя. Словом, от водителей будущего потребуются лишь умение управлять машиной, все остальное делает электроника.

«Newsweek», 1985, v. 106,
№ 18

РАСХОД ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ КОНТРОЛИРУЕТ МИКРО-ЭВМ

Сотрудники Лейпцигского политехнического института и народного предприятия «Штаркштрманлагебау» на базе микро-ЭВМ разработали систему, которая контролирует расход электроэнергии.

Серийное производство системы начнется в 1987 г., однако результаты эксплуатации первого образца, установленного на народном предприятии «Лейна-Верке» им. Вальтера Ульбрихта, показывают, что она существ-

венно сокращает расход электроэнергии: ежегодный экономический эффект составляет около 900 тыс. марок.

«Neues Deutschland»,
31.05—01.06.1986

НОВОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Мини-мотоциклы стали увлечением большинства жителей Японии. Самое главное достоинство этих машин — их небольшие габариты: высота около 50 см, а колеса — размером с большую тарелку. Масса мотоцикла не превышает 20 кг. Двухтактный одноцилиндровый двигатель рабочим объемом 30 см³, может развивать мощность 7,4 кВт при максимальной скорости 100 км/ч.

«Motor»,
1986, № 20

ИНФОРМАЦИЯ

ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ

Альфред ВАН ВОГТ

Маленький худой человечек пронзительным голосом проговорил:

— Я уверен, что нам не были нужны ни Эдисон, ни Эйнштейн, ни другие выдающиеся ученые. Мысль человеческого общества сама неизбежно движется в том или ином направлении, а уже из этого мышления масс возникают идеи отдельных людей. Их появление не зависит от какой-то одной выдающейся личности. Всегда есть второе решение.

Кто-то с ним не согласился:

— Изобретения меняют ход истории. Новое оружие, например, позволяет выиграть войну. А годом позже оно может не оказать заметного влияния на развитие событий.

В это мгновение в разговор вступил высокий широкоплечий человек. Я заметил его еще в баре, где он со скупающей снисходительностью космонавта прислушивался к разговорам чисто земных людей. Его лицо покрывал глубокий космический загар. Видимо, он отдыхал между полетами и не знал, чем заняться.

— Не хотелось бы вмешиваться, — сказал он, — но я знаю историю, относящуюся к вашему спору.

Однажды профессор Джемисон, о котором вы все, конечно, слышали, поймал на планете Карсона самку эзвала и послал ее на Землю. По пути она родила детеныша размером со взрослого льва. За время путешествия он подрос еще на фут. Самое интересное началось, когда антигравитационный двигатель земного корабля вышел из строя...

* * *

С каждой секундой все больше мрачней, капитан второго ранга Мак-Леннан говорил двум своим офицерам:

— Двигатель полностью вышел из-под контроля! Наш корабль врежется в землю через пятнадцать минут в районе

заповедника на севере Канады. Карлинг, посадите людей в спасательные шлюпки и свяжитесь с директором заповедника. Скажите ему, что на борту два эзвала с планеты Карсона и что они, вероятно, переживут крушение. Пусть приготовится, как сможет. Бренсон!

— Да, сэр! — вытянулся молодой офицер, бледный от волнения.

— Убейте обоих эзвалов. Если эти звери вырвутся на свободу, они перебьют на Земле множество людей. Сами будьте в шлюпке через семь... нет, лучше через шесть минут.

Время истекло, шлюпки стартовали без Бренсона.

* * *

Молодой эзвал услышал рычание матери, потом ее мысли: «Прячься подо мной! Двухногий пришел убивать!»

Он прыгнул из своего угла клетки — темно-голубое чудовище весом пятьсот фунтов. Руки с острейшими когтями прогрохотали по стальному полу клетки, потом он спрятался на животе у матери. Всеми шестью руками он вцепился в материнскую шкуру.

Опять донеслась мысль: «Помни все, что я тебе говорила. Единственная надежда нашего народа в том, чтобы люди думали, будто мы — животные. Если они заподозрят, что мы разумны, нам конец. А кое-кто из них уже подозревает...»

И еще, торопливо: «Борись со страхом, ибо это всего лишь страх. Прими смерть, если это на пользу твоему народу».

Прильнув к матери не только телом, но и мыслями, молодой эзвал увидел ее глазами прутья решетки и фигуру человека. Тот просунул оружие в клетку. Хлынул поток белого огня.

На мгновение мысленный контакт с матерью исчез. Уже слухом он воспринял ее вопль боли, а его плоские ноздри втянули запах горячей плоти. Всем своим телом почувствовал, с какой быстротой и яростью она бросилась на струю огня, и человек отпрянул от клетки.

Затем он наблюдал, как его мать делает невероятные вещи, оставаясь при этом относительно спокойной. Она взбежала на крышу, от которой до пола клетки было двадцать футов. Там, раскачиваясь, перелетала с бруса на брус. Огонь преследовал ее, находил, промахивался, опять находил... Наконец она уже не могла скрывать от сына, что смерть близка. Но с этой мыслью пришла и другая — он

понял, почему она заставила человека отступить от клетки и стрелять снаружи. Гоняясь за ней, следуя за ее стремительными движениями, луч огня расплавил прутья клетки.

Мысли человека он тоже слышал: «Господи! Неужели она никогда не умрет? Еще минута, и мне придется бежать. Я...»

Додумать эту мысль он не успел: шесть с половиной тысяч фунтов самой прочной органической ткани, с которой когда-либо встречался человек, ударили в ослабевшие прутья клетки.

«Вырвалась!» — ужаснулся человек.

Но тут мир раскололся вдребезги: корабль упал на землю. Эзвал потерял сознание.

...Медленно, постепенно вернулась способность воспринимать мысли и оценивать их. Лежа под телом мертвой матери, молодой эзвал испуганно прислушивался к мыслям нескольких человек:

«От Бренсона мало что осталось...»

«Капитан Мак-Леннан, я только что принял сообщение. Кaleb Карсон, заместитель профессора Джемисона здесь, на Земле, уже летит сюда. Он внук того Карсона, чьим именем названа планета. Здесь он будет в полдень — через два часа — и...»

«Вот как? — Мак-Леннан был явно недоволен. — Ну, я думаю, что он успеет к завершению охоты».

«Охоты? Какой охоты?»

«Не будьте идиотом! — разозлился капитан. — Мы должны найти молодого эзвала. Если он вырвется на волю, то даже в этой глуши сможет перебить немало людей. Позвоните директору заповедника, пусть найдет самых крупных и злых собак».

«Да, сэр».

«Подайте шлюпку чуть ниже и привяжите к туше тросы. Эти звери умеют прятать свое потомство на животе и...»

Сверху донеслись какие-то звуки. Эзвал почувствовал, как тело матери приподнялось.

И — мысль Мак-Леннана:

«Сейчас тянуть под углом. Всем отступить в сторону. Может быть, сразу придется стрелять».

Эзвал осторожно высунул свою угловатую голову. Три его блестящих глаза подтвердили картину, уже увиденную глазами врагов. Космический корабль раскололся на части. Обломки рассеялись чуть не на милю во всех направлениях! И каждый обломок, каждый разбитый

ящик могли послужить укрытием от выстрелов.

— Смотрите! — это было мыслью и криком.

Эзвал пережил страшное мгновение. Он ожидал, что сразу же придет обжигающая боль. Но, обводя взглядом замерших, напрягшихся людей, он вспомнил, что мать велела ему бороться со страхом. И он бросился в сторону людей.

Разряд энергии из лучемета Мак-Ленна испарил снег рядом с ним. Эзвал, резко повернув, спрятался за грудой блестящего металла. Огненный луч перескочил на металл и начал прожигать в нем путь к эзвалу. Тогда он бросился в кусты и побежал, ежесекундно меняя направление.

Из мешанины донесшихся до него мыслей он выбрал одну:

«Директор говорит, что может набрать десять собак. Их придется доставить на самолете, это займет примерно час...»

Что такое собаки, эзвал представлял себе не очень отчетливо, но все же представлял. Собаки идут по следу. Значит, они пользуются обонянием так же эффективно, как он. И к тому месту, где их будут держать, он должен подойти против ветра. Тогда он сможет их убить.

Он не знал, сколько прошло времени, но когда впереди показались темные строения, эзвал понял, что достиг цели. Над ним бесшумно пролетел самолет, и эзвал услышал — как легчайшее дуновение — мысль человека, которого звали Калев Карсон.

Блестящими угольно-черными глазами он смотрел с вершины холма на доставленных собак. Десять... их слишком много. Привязанные цепями, они спали в снегу, но напасть на него они смогут все сразу.

Из-за холма в четверти мили от эзвала выехала машина. Калев Карсон увидит весь его бой с собаками.

Первая собака заметила эзвала. Он услышал ее мысль — тревога! И сразу погасил эту мысль одним ударом. Резко повернулся. Зубы, которые могли бы сделать вмятину в металле, сомкнулись на шее другой собаки, бросившейся на него сбоку.

Звери пятились от него, мысли их были переполнены страхом. Эзвал презрительно отвернулся. Но машина была совсем близко. В ней сидел только один человек.

Калев Карсон был у открытой двери машины. В руках он держал длинный блестящий лучемет. Оружие было направлено на эзвала — и вдруг, не веря себе, эзвал услышал мысль, посланную ему.

«Смотри! — слышал эзвал. — Смотри! Я могу убить тебя. Ты испаришься, а в земле останется кратер. Могу убить — но не убью. Подумай об этом. И помни, хотя ты убежишь сейчас, в будущем я смогу решать, жить тебе или нет. Без моей помощи ты не вернешься домой, а моя цена высока. Ну, а сейчас, пока не появились другие — беги!»

В смятении эзвал перемахнул гребень холма. Перепуганные собаки не преследовали его. Он остановился. Мысли стали приходить в порядок. Многие встало на свое место. Не раз во время длительного космического путешествия мать говорила ему: «Человек примирится с поражением только от одного противника: слепой природной силы. Для того, чтобы люди оставили нас в покое, убрались с нашей планеты, мы притворялись неразумными агрессивными зверьми. Мы знали, что если люди хотя бы заподозрят в нас искру разума, они истратят все свое богатство и миллионы жизней, чтобы уничтожить нас. А сейчас кто-то подозревает, что мы разумны!»

И кто-то действительно подозревал. Этот Калев Карсон очень опасен для всех эзвалов. Теперь вместо того, чтобы спастись бегством, придется выследить его и убить.

Издалека донеслась смутная, расплывчатая мысль Калеба Карсона. На «запах» этой мысли и пошел эзвал.

...Постепенно мысли становились отчетливее, и эзвал смог понять, что Карсон находится в доме, а с ним Мак-Леннан и один из его офицеров, Карлинг. Они разговаривали о войне людей с руллами, о профессоре Джемисоне и его исследованиях эзвалов.

Медленно, очень осторожно эзвал проник в дом и пополз вверх по лестнице. Теперь уже он слышал не только мысли, но и голоса:

— ...И даже если согласиться с вами в том, — говорил Карсон, — что эзвалы лишены разума, это все же не дает нам права нарушить планы профессора. А профессор хочет оставить молодого эзвала живым. — Он помолчал. — Во всяком случае, охотиться на него нет необходимости. Он умрет от голода. Земная пища для него совершенно несъедобна.

— Почему вы направили лучемет на дверь? — вдруг быстро проговорил Мак-Леннан.

— Потому что недавно я видел из окна, как эзвал крадется в кустах. Я, в общем-то, ожидал его появления, но не думал, что он войдет в дом — пока не услышал несколь-

ко секунд назад стук его когтей на лестнице. Я не советовал бы ему входить сюда. Слышишь — ты!

Эзвал замер. Потом резко повернулся, помчался вниз по лестнице. После этой неудачи у эзвала из всех целей осталась одна. Он должен спастись. Должен найти пищу. А пища для него была только в одном месте.

Обломки космического корабля напоминали заброшенное кладбище. Где-то здесь должна быть пища, которую захватили для его матери.

Он увидел, как по снегу справа от него несется тень бесшумного самолета — и за- таился.

«Можешь не прятаться! — услышал он мысль Калеба Карсона. — Я знал, что ты придешь сюда. Ну что ж, здесь и решится твоя судьба».

Самолет стал спускаться кругами, потом замер менее чем в сотне футов над землей. Опять зазвучала мысль Карсона:

«Я сообщил Мак-Леннану, где ты и что, по моему мнению, будет дальше. Он считает меня идиотом; они с Карлингом появятся здесь через пять минут. За эти пять минут ты должен изменить свое отношение к жизни. Люди не ангелы, но им нужно знать о разуме эзвалов. Мы воюем с расой разрушителей, с руллами. Нам необходима планета Карсона как авангардная база. А пока эзвалы нападают на людей, мы не сможем там закрепить- ся. И не думай, что если ты погибнешь мучеником, от этого будет какая-то польза. Мы докажем, что эзвалы — разумная раса. Если согласишься на мое предложение, я научу тебя всему необходимому. Ты станешь первым ученым у эзвалов. Ты слышишь мои мысли и знаешь, что я не лгу».

Да, эзвал чувствовал, что человек говорит искренне.

«Тебе придется сделать одну очень простую вещь — чтобы показать, какое решение ты принял. Сейчас я посажу свой самолет. Он металлический, разделен на два отсека. Ты не сможешь прорваться в мой отсек и убить меня. А дверь в твой отсек будет открыта. Когда ты войдешь, дверь плотно закроется и... ах, черт, это уже Мак-Леннан!»

Самолет чуть ли не упал на землю — так быстро посадил его Карсон. Распахнулась дверь. «Решай скорее!» — донеслась его мысль. Эзвал стоял в нерешительности. Он видел большие города, космические корабли, которые поведут эзвалы...

Рядом полыхнуло огнем, и времени больше не было, оставалось использовать

единственный шанс. На бегу он резко изменил направление, и луч опять промахнулся. Тогда луч полоснул по хвостовой части самолета Карсона.

Прыгая внутрь самолета, который уже не сможет взлететь, Эзвал подумал, что Мак-Леннан сделал это нарочно. Второй самолет приземлился. Из него выскочили двое с лучеметами. Эзвал, сразу почув- ствав их ненависть, зарычал и повернулся к выходу — может быть, на воле спастись будет легче. Но дверь заперлась с металличе- ским звоном. Он был в ловушке.

Или нет? Открылась другая дверь. С громким ревом эзвал бросился в сосед- ний отсек, где сидел человек. При этой неожиданной возможности убить Карсона он забыл обо всем остальном. Но холодный ясный разум человека остановил его, и поднятая для удара лапа опустилась.

Карсон хрипло проговорил:

— Я иду на страшный риск по одной причине. Я не сомневаюсь, что ты разумен. Но взлететь мы не можем, об этом позаботился Мак-Леннан. Значит, нам нужно какое-то решающее доказательство.

Сейчас я открою наружную дверь. Ты можешь убить меня и скрыться — если повезет. Или же ты ляжешь у моих ног и будешь спокойно ждать их появления.

Подрагивая от напряжения, эзвал мед- ленно приблизился и лег у ног Карсона. Как в тумане он воспринял мысли Мак- Леннана, в которых смешалось недоверие и изумление.

Эзвал чувствовал себя в эти минуты очень молодым, очень важным и очень робким. Он подумал о будущем эзвалов, о мире титанических сооружений, о начале новой цивилизации...

* * *

Когда высокий космонавт закончил свой рассказ, мы все долго молчали.

— Дело в том, — заговорил наконец человек с пронзительным голосом, — что всегда есть кто-то, умеющий глубоко вникнуть в проблему. Всегда есть второе решение. Но почему в то время об этом инциденте не писали в газетах?

— Шла война с руллами, — насмешли- во пояснил ему кто-то. Кстати, — продол- жал тот же голос, — я читал недавно, что на планету Карсона послан новый коорди- натор. Его зовут Калев Карсон.

К космонавту подбежал посыльный.

— Капитан Мак-Леннан, — сказал он, — вас просят связаться с кораблем. Что-то срочное...

Перевод с английского
Л. ДЫМОВА

Майкл Коуни

СКОЛЬКО
СТОИТ
Руфь
Вильерс?

:1551

Рисунки И. Мельникова

В этот час зрителей было мало. У забора, отгораживающего прямоугольный участок каменистой осыпи, собралась лишь небольшая группка. Положив локти на новенькую ограду, я стоял там же, где и они, хотя имел право войти внутрь. Но я этого не делал. Стоял снаружи, как будто обычный зевака. Нарушить безлюдье обнесенного участка — значило выдать себя. Зрители стали бы меня разглядывать, задавать вопросы, и кто-нибудь обязательно опознал бы меня по фотографиям, печатавшимся в газетах последние несколько месяцев. Тогда они поймут, что перед ними человек, оставивший умирать Руфь Вильерс. Они дождутся, когда я вернусь, и на их лицах я прочту обвинение. «Убийца!» — будет клеймить каждый взгляд.

Шесть месяцев назад я спокойно сидел в своем кабинете, в достаточной степени удовлетворенный всем человек без особых

проблем. Если память мне не изменяет, в тот день пришлось заниматься вопросом повышения Кредитной Значимости местного водопроводчика.

Водопроводчик в безукоризненно чистой спецовке сидел напротив меня, машинально выкручивая в руках свою кепку, словно пытался отжать из нее воду.

— Мой доход за прошлый год, мистер э-э-э..., — он взглянул на табличку на моем столе, — Арчер, составил одну тысячу триста кредиток.

— Вы полагаете, что вашу Кредитную Значимость надо повысить? — спросил я, прекрасно зная, что он полагает именно это, но шесть месяцев назад мне еще доставляло удовольствие наблюдать, как люди вымучивают из себя ответ.

— Да, — ответил он робко.

Я придвинул к себе его дело, раскрыл и нарочито неторопливо надел очки. На-

счет дохода он был прав. Черным по белому: 1300 кредиток. В полном соответствии с документами Налогового Управления.

Я взял шариковую ручку и еще раз пересчитал сумму.

Значимость по заработку, соответствующая годовому доходу, увеличенному на 50 % — $1300 \times 1,5$ . . . . . 1950 кр.

Основная Индивидуальная Значимость (то, что называется «Право по рождению») . . . . . 600 кр.

Итого: 2550 кр.

Похоже, что у этого маленького нервного водопроводчика действительно есть основания. Его следует передвинуть сразу на две ступени до Кредитного Уровня Общественной Значимости в 2500 кредиток. Должно быть, он надрывался весь год, бедолага, и теперь хочет получить что-то вроде вознаграждения в виде повышения статуса.

— Разберусь,— пообещал я.— Мы вам сообщим. Следующий!

Я резко нажал кнопку на столе, лишая его всякой возможности сказать что-нибудь еще. Но вместо следующего посетителя, запыхавшись, вбежал мой секретарь.

— Мистер Арчер, несчастный случай! — произнес он, переводя дыхание.

— Давайте его сюда,— сказал я спокойно, ожидая увидеть перед собой какого-нибудь убитого горем пенсионера, желающего получить аванс на похороны жены.

— Э-э-э... Этот случай связан не со смертью, мистер Арчер. Это заявка по настоящему несчастному случаю. Близких родственников нет. Только этот парень... Зовут Джек Гриффитс. Друг заявительницы.

— О, господи! — секунду я думал.— В любом случае, давай его сюда.

Надо же, чтобы именно сегодня, когда Форбс может приехать с минуты на минуту, поступила заявка по несчастному случаю!

Форбс, я должен пояснить, наш региональный директор. Его работа заключается в том, чтобы ездить по управлениям региона и устраивать служащим тяжелую жизнь. Любимое его занятие состоит в перекапывании служебных дел чуть ли не с увеличительным стеклом на предмет поиска доказательств, что, скажем, я, будучи излишне сентиментальным, потратил из государственных фондов больше, чем полагалось. Здесь, поскольку не все знакомы с принципами работы Департа-

мента Общественной Значимости, необходимо объяснить подробнее.

Допустим, человек ложится в больницу и ему предстоит дорогостоящая операция. Возникает очевидный вопрос: стоит ли пациента лечить, исходя из ценности, которую он представляет для общества? Больница высылает мне заявку с указанием сметной стоимости операции. Я связываюсь с Национальным Банком и узнаю, что пациент имеет на счету 2000 кредиток. Затем я проверяю по своей карте и выясняю, что Кредитный Уровень Общественной Значимости пациента оценивается, например, в полторы тысячи кредиток. Следовательно, ценность этой личности для общества оценивается в 3500 кредиток. Ни больше, ни меньше.

И если операция стоит в пределах 3500 кредиток, тогда хирург берется за скальпель, и, предположительно, пациент выздоравливает. Но если же стоимость операции (включая до- и послеоперационный уход и обслуживание) оценивается в 3501 кредитку, тогда делать никто ничего не будет. Однако пациент может получить неполное лечение и медикаменты общей стоимостью до 3500 кредиток, после чего будет выписан из больницы.

Короче, входит друг заявительницы, этот Джек Гриффитс, и выглядит встревоженным.

— Чем могу вам помочь, мистер Гриффитс? — спрашиваю я официальным тоном.

— Дело не во мне..., — замямлил он.— Моя подружка Руфь... Руфь Вильерс. Несчастный случай...

— М-м-м. Строго говоря, я уполномочен иметь дело только с заявителем лично. В противном случае мы бы все с легкостью тратили чужие деньги, разве не так? Вам придется отвести меня к ней.

— Вы не можете с ней увидеться,— сказал Гриффитс.— На старой шахте Вил Пентайр произошел обвал. Думаю, Руфь в порядке, но мне не удалось пробраться к ней. Она должна быть почти у поверхности: там большая камера с гранитными стенами. Они не могут обрушиться. Но весь входной тоннель рухнул, и она осталась внутри. Как вы можете ее увидеть под этой грудой земли?

Так началась эта история. Как все запутанные проблемы в нашем деле, на первый взгляд, она казалась простой. Требовалось съездить на шахту Вил Пентайр и быстро произвести экспертную оценку

ситуации. Затем решить, откапывать ли девушку. Очевидно, я был вправе отнести ее друга к «ближайшим родственникам».

Двумя часами позже мы с Джеком Гриффитсом стояли у входа в шахту, прячась за поднятыми воротниками от злого ветра. Я до сих пор не понимаю, почему это раньше для копей всегда выбирали такие заброшенные места.

По сравнению с другими шахтами Вил Пентайр была не особенно велика. Место спуска обозначалось сгнившими остатками сарая и ржавой узкоколейкой, исчезавшей под грудой обвалившегося камня.

— Мы тут гуляли, — с напряжением в голосе пояснил Гриффитс, завороченно глядя на камни. — Раньше тоже часто здесь бывали, ходили по тоннелю почти до середины холма... Руфь побежала вперед, я — за ней. Я слышал ее смех далеко впереди, до того как ударился о подпорку...

Он продолжал рассказывать дальше. Как подгнившая крепь сдвинулась и начала крошиться. Как с потолка упало несколько камней, и буквально через несколько секунд за ними последовала ревущая лавина. Как он едва успел выскочить. В голосе его слышались горькие ноты, и я чувствовал, что он осуждает себя.

Короче, произошел обвал, и где-то там внутри холма осталась Руфь Вилберс, возможно, живая и здоровая, но в двухстах ярдах от входа в шахту. Обвал казался значительным: по голому склону холма проходила длинная полоса осевшей земли. Гриффитс разглядывал меня широко раскрытыми глазами.

— Вы можете что-нибудь сделать? — спросил он наконец.

Я уже проверил Руфь Вилберс по карте Общественной Значимости и установил, что ее Кредитный Уровень равен 1200 кр. Ей было всего семнадцать лет. Работала она в должности шестой категории, и поэтому годовой доход ее составлял только 400 кредиток. Следовательно, значимость по заработку (доход на 1,5) равна 600 кр., плюс еще основная индивидуальная значимость в 600 кр. За 1200 кр., может быть, что-то удастся сделать.

Надо привезти инспектора, — сказал я Гриффитсу. — Но мне кажется, если доставить сюда экскаватор и вырыть яму вон там, — я указал на точку в пятидесяти ярдах от того места, где кончался след обвала, — то мы сможем проникнуть в тоннель сбоку. Там достаточно воздуха.

— Я думаю, да. Тоннель переходит в довольно большую камеру.

— Ей придется пока поголодать. На 1200 кредиток мы не сможем пробить еще и колодец. Кстати, у нее есть сбережения?

— О, да, — восторженно ответил он. — Мы откладывали деньги к свадьбе. На ее счету в Национальном Банке около 300 кредиток.

— Хорошо. Значит, всего получается 1500. Я думаю, с такой суммой мы справимся, — произнес я, чувствуя себя словно бог. — Сейчас мы отправимся обратно и все подсчитаем.

— Как скоро мы ее вызволим? — спросил Гриффитс, озабоченно глядя на склон холма.

— Дня через три, — ответил я уверенно. Мысль о перепуганной до смерти девушке, три дня не имевшей надежды выбраться из подземного плена, меня несколько не беспокоила. В конце концов, я с ней не знаком; она для меня всего лишь номер в картотеке. И этот номер временно находится в подземелье. Неважно! С большой долей вероятности он скоро снова окажется на свободе, восстановив таким образом порядок в записях.

Вернувшись в кабинет, я сел за справочники по строительным расценкам. Я вообще нахожу такую работу интересной: это один из немногих случаев, когда в моей работе есть простор для инициативы. Наконец, предварительные расчеты были готовы, и тут меня ждал неприятный сюрприз. Цифра получилась слишком велика:

РУФЬ ВИЛБЕРС. СМЕТНАЯ СТОИМОСТЬ.

Плата инспектору	75
Прокат экскаватора (по 13 кр. в час; прибл. на 72 часа)	936
Плата экскаваторщикам (три смены), включая вознаграждение за ночную работу и компенсацию за время на проезд	200
Транспортировка экскаватора (туда и обратно)	260
Питание и удобства для экскаваторщиков	10
Прожектора и электричество для ночных работ	20
Разное	50

ИТОГО: 1551

Гриффитс застыл в шоке, когда я показал ему лист с подсчетами.

— Я думал, вы сказали, это можно сделать... Вы говорили, 1500 кредиток хватит..., — пробормотал он укоризненно, затем пробежал трясущимся пальцем по строчкам и спросил:

— Разное. Пятьдесят. Господи, это-то что такое? Ваши проценты?

— Мои услуги предоставляются бесплатно, — проинформировал я его, поборов в себе поднимающуюся волну раздражения. — Графа «разное» предусмотрена для всяких непредвиденных расходов, и, очень может быть, что пятьдесят кредиток еще слишком осторожная оценка. Как правило, эти деньги используются в качестве выплат людям сверх их обычного заработка для того, чтобы они шевелились быстрее.

— Что? — Гриффитс побелел. — Вы хотите сказать, что мне придется давать этим типам на чай, чтобы они работали лучше, в то время как жизнь девушки находится в опасности?

— Ну..., в общем, да. Послушай, Гриффитс, — сказал я мягко, — ты должен понять их. Они твою девушку в глаза не видели. Для них это просто еще одна работа. А когда работа будет сделана, у них может получиться простой, так что они порой растягивают работу подольше. Будет гораздо дешевле заплатить им неофициальное вознаграждение и списать деньги на «разное», чем нанимать экскаватор еще на день.

— Господи! — Гриффитс дрожал, сидя через стол от меня с совершенно потерянным видом. Подобные вещи были для него в новинку, и у него, конечно же, не было опыта сложных переговоров, обязательных при таких работах. Признаюсь, он выглядел настолько потерянным, что я почувствовал к нему искреннюю жалость.

— Есть еще одна возможность, — сказал я осторожно, — если ты готов рискнуть.

— Какая?

— Обойтись без инспектора. Мы просто найдем людей, экскаватор и начнем копать. У меня есть план шахты, — я достал из стола пожелтевший лист бумаги. — Думаю, мы можем рискнуть. Это наш единственный шанс. Тогда максимальные расходы составят 1476 кредиток. Если мы не наткнемся на скальную породу, все будет в порядке.

— Завтра увидимся на месте, — сказал, поднимаясь, Гриффитс.

* * *

Гриффитс показал мне ее фотографию, вернее, их фотографию, снятую, когда они вместе ездили куда-то на выходной три месяца назад. Руфь Вильерс ничего особенного из себя не представляла. Однако я промолчал. Гриффитс долго глядел на фотографию, перед тем как положить ее обратно в потрепанный бумажник. Мы оба стояли некоторое время молча, прищипывая ногами и ждали прибытия экскаватора.

Было туманное осеннее утро, и окрестности выглядели совершенно безжизненно: голый изрытый сланцевый склон холма, застывшие деревья почти без листвы.

Рокот моторов в долине возвестил о приближении экскаватора, и вскоре мы его увидели: огромная машина на платформе тягача, с трудом пробирающаяся по застланной туманом дороге. Тягач подъехал к нам, и из кабины вылез водитель, на ходу выбросив зашипевший на мокрой земле окурок.

— Куда вам его? — спросил он коротко.

Я указал на склон холма, и он тут же скривился.

— Рискованное дело. Они, экскаваторы эти, бывает, переворачиваются. Я не уверен, что Джеф сможет его туда подвести. Не-е-е, совсем мне это дело не нравится.

Тут подкатил фургон, и из него, разминая затекшие руки и ноги, по очереди выбрались люди.

— Джеф! — позвал шофер.

— Ну, — огромный пузатый мужчина в синем комбинезоне подошел к нам.

— Джентльмен говорит, что ты должен подогнать его вон туда.

— Ого! — Джеф почесал в затылке. — Не нравится мне это дело. Опасная штука сланец. Экскаватор заскользит и опрокинется в два счета. И крышка! Если он перевернется, кабину сомнет, как спичечный коробок.

Поняв, что ничего больше не остается, я достал из кармана кредитную карточку Национального Банка на имя Руфь Вильерс. Джеф резво извлек свою. Я выбил две кредитки у него в блоке «Приход», а он выбил ту же сумму на карточке Руфи в блоке «Платеж».

Первые расходы в графе «разное».

Гриффитс внимательно наблюдал за процедурой, и как только рабочие отошли к экскаватору, заговорил:

— А что мешает мне перевести, например, 500 кредиток на ее счет?

Снова пришлось объяснять.

— Как только заявка регистрируется,

счет замораживается, и единственная сумма, которая может быть к нему добавлена, это деньги действительно заработанные пострадавшим максимум за одну неделю, но еще не выплаченные. Только это и больше ничего. В противном случае вся система была бы бессмысленна. Любой родственник мог бы перевести деньги на счет заявителя, сказав, что это выплата старого долга или еще что-нибудь.

— Очевидно, да, — сказал Гриффитс, вздыхая.

— Я мог бы тебе рассказать несколько случаев, — продолжал я свою любимую тему. — Чего только люди не делают, чтобы обойти закон! Вот было один раз...

— Слушайте, — оборвал меня Гриффитс, сжимая побелевшие кулаки. — На кой черт мне ваши дурацкие истории? Меня тошнит от вашего отношения ко всему этому делу, как будто для вас это просто отвлеченная задача. Вы что не понимаете, что там внизу девушка? Живой человек, такой же как, мы с вами! Она в опасности, а вы все про инструкции и правила! У вас что, совсем нет чувств?

Он явно был уже на пределе.

— Спокойней! — положил я руку ему на плечо. — Я понимаю, там твоя девушка, и мне действительно жаль. Вчера у меня заявитель умер в больнице, и мне тоже было жаль. С тех пор как приняли Закон об Общественной Значимости, умерло более девяти тысяч человек, которые до 2012 года могли бы быть спасены. И мне их тоже жаль. Но все это делается ради общего блага. И потом нельзя же за всех так переживать. Надо научиться принимать эти вещи, как есть.

В этот момент у фургона затормозила черная легковая автомашина, из нее вышел аккуратно одетый мужчина. Пробравшись через обломки, он подошел к нам.

— Пресса. — Объявил он, доставая удостоверение. — Насколько я понимаю, там внизу осталась девушка?

— Правильно, — охотно подтвердил Гриффитс.

Я прекрасно понимал, о чем он думает. Мол, может быть, этот человек через свою газету на что-то повлияет. Может, удастся расшевелить общественные симпатии, поднять шум и выбить что-нибудь вроде правительственной субсидии. Но я отлично знал, что Гриффитс попусту тратит время. Если система поддастся один раз, тут же все выстроится в очередь — и конец системе.

— Спасибо, — человек из «Нэйшнл Дэй-

ли» закрыл записную книжку и спрятал ее в карман. — Не возражаете, если я вас сфотографирую?

Удивительно вежливый репортер. Он снял расстроенного Гриффитса на фоне каменных обломков.

— Так, хорошо. Как насчет девушки? Руфь? У вас случайно нет ее фото, которое я мог бы использовать?

— Есть. — Гриффитс извлек фотографию и передал ему.

Корреспондент внимательно изучил ее, наклоня под разными углами, закрывая по очереди разные участки рукой и при этом тихонько насвистывая.

— Да. Ладно. — Произнес он, возвращая фото. — Вообще-то я не уверен, что этот материал пойдет. Недостаточно э-э-э... остроты. Нет сюжета.

Голос его потонул в реве неожиданно включенных двигателей. Экскаватор дернулся, наклонился и съехал с платформы на каменистый грунт. Развернулся, скрежеща гусеницами, и пошел вверх по склону. Из кабины на нас молча смотрел Джеф. Работа началась.

В тот день я ушел часов в пять. Гриффитс остался под морозящим дождем, наблюдая, как рабочие налаживают прожектора. На службу заходить не хотелось, и вообще я смертельно устал. Что-то было в этой ситуации — черствость экскаваторщиков, поведение корреспондента, просто отношение всех, включая и меня самого, — что не давало мне покоя весь день, переворачивая все внутри до тех пор, пока я не начал всех ненавидеть. Больше всего себя. Никак не мог избавиться от мысли об этой невзрачной девчонке, заваленной там, под землей.

Ни к чему хорошему это привести не могло. Ощущение, которое иначе как симпатией не назовешь, я старался гнать прочь. Подобные вещи могут стоить мне работы.

Весь следующий день я сидел в своем кабинете и думал о том, как идут дела на шахте. Форбс не появлялся, слава богу. И без его тотальных проверок я чувствовал себя отвратительно. Еще через день, около часа дня я не выдержал. Сказал секретарю, что уйду, и вышел, не дожидаясь его трескотни о назначенных на вторую половину дня приемах. Сел в машину и поехал к шахте.

Выбираясь из кабины — слава богу, дождя не было — заметил одинокую фигуру Гриффитса на склоне холма, из ко-

торого чудовищные челюсти экскаватора уже выгрызли огромный кусок. Гриффитс глядел в яму, дна которой я не мог видеть со своего места. Экскаватор стоял, и вокруг было подозрительно тихо. Работа остановилась, и я подумал, что экскаваторщики решили произвести очередные расходы из графы «разное».

— В чем дело? — спросил я Гриффитса.

Выражение его лица осталось неизменным. Он посмотрел на меня невидящим взглядом и опять уставился на дно ямы.

Рабочие курили, облокотясь на вцепившийся в землю ковш экскаватора. Пока я спускался к ним в яму, они не сводили с меня глаз.

— Неприятности, — коротко сказал один из них, не вынимая изо рта держащуюся в такт словам сигарету.

— Ну, какие трудности?

Вместо ответа Джеф взял лом и выразительно ударил по земле. Звякнуло. Я наклонился и сгреб мелкие осколки сланца

Вильерс жизни, если, конечно, она жива до сих пор.

Время шло. Со своего места я видел, как рабочие выбрались из ямы и встали рядом с Гриффитсом на краю, глядя на меня в ожидании решения. Что ж, придется решать. Напряжение последних дней свилось внутри в огненный узел, и внезапно я понял, что меня трясет.

Шахта соединялась временным телефоном с конторой экскаваторщиков в деревне. По телефону я мог своей властью заказать камнедробильную машину и рабочих. Затем останется лишь задержать платежное требование, когда мне его передадут, и к тому времени, когда все откроется, Руфь Вильерс уже спасут.

Потом начнется «музыка»: потеря работы и понижение Уровня Общественной Значимости. Меня заставят выплатить кредит, который я фактически украл. Ибо все должно быть сбалансировано, такова Система... Черт бы ее побрал!

ладонью. Под ними оказался слой сплошного гранита.

Избегая затравленного взгляда Гриффитса, я выбрался из ямы и спустился по склону к машине. Усевшись на сиденье, попытался что-нибудь придумать, но дальше обвинений самому себе дело не шло. Все было моей ошибкой. Я не мог знать, что там будет гранит, но именно я решил обойтись без консультации инспектора, чтобы срезать расходы. Я сделал ошибку, которая будет стоить Руфь

Я наполовину шел, наполовину бежал вверх по склону холма, когда резкий окрик за спиной заставил меня обернуться. Подъехала еще одна машина, и ее водитель отчаянно махал мне рукой. Дверца с противоположной стороны открылась. Появился Форбс. В шляпе котелком, в очках, с лицом, изрезанным морщинами от долгих лет поисков чужих ошибок. Он торопливо поднялся ко мне.

— Я слышал, у вас тут возникли какие-то затруднения, — произнес он, глядя на

меня пристально, тут же оценив мое отчаянное состояние. Разумеется, ему приходилось видеть подобное раньше. — Я надеюсь, вы не собираетесь сделать какую-нибудь глупость? — Он чуть улыбнулся. — Нет... Нет, конечно. Вы осторожный человек, Арчер. Я верю в вас. Ну, хорошо. Какие, собственно, трудности?

Элегантно держа в руке шариковую авторучку, он производил вычисления:

— У мисс Вильерс, допуская, что она еще жива, осталось на счету 400 кредиток, что, очевидно, не является достаточной суммой для финансирования работ по пробитию гранита.

— И что теперь? — спросил я почтительно.

— Нам остается один курс, только один, — категорично произнес Форбс, глядя на Гриффитса.

— Какой? — Гриффитс был готов схватиться за что угодно.

— Мы должны использовать оставшиеся 400 кредиток наилучшим образом, то есть просверлить в камеру шурф для подачи воздуха и еды. Я думаю, это будет стоить приблизительно 200 кредиток, даже с использованием высокоскоростного передвижного бура. Остается 200 кредиток. На пищу.

Он замолчал, и никто больше не проронил ни слова. Очевидно, все мы в тот момент обдумывали сказанное. Руфь Вильерс не может зарабатывать деньги, находясь там внизу. Следовательно, когда придет конец этим двум сотням, ей тоже придет конец.

— Но 200 кредиток... — хриплым голосом произнес, наконец, Гриффитс. — Этого хватит на семь-восемь месяцев. Она останется там, похороненная заживо, до тех пор пока не кончатся деньги! Господи, как вы можете такое говорить?

Он схватил Форбса за рукав, тот замер на какое-то время, и я понял, что на этот раз ему попалась работа, отнюдь не доставляющая удовольствия.

— Это Система, — ответил он спокойно, после того как высвободил рукав из пальцев Гриффитса. — Общество не виновато в том, что ваша девушка оказалась в такой ситуации, разве не так?

Тут он сделал паузу, и мне очень хотелось бы думать, что следующая его фраза была продиктована действительно участием:

— На вашем месте я бы молился, чтобы она там нашла золото.

* * *

Да, все это произошло шесть месяцев назад, почти день в день. История, конечно, попала в «Нейшнл Дэйли»: теперь ее просто нельзя было не напечатать. Однако девушка на снимках выглядела совсем по-другому. Бедняжка с печальными глазами и красивыми правильными чертами лица, выворачивающими сердце наизнанку, ничем не напоминала несуразную подружку Гриффитса.

Разумеется, это привлекло зевак. Даже сейчас, когда прошло столько времени, эти унылые фигуры в плащах толпились у забора, представляя себе девушку с газетной фотографии в мрачном подземелье.

Из сарая вышел Гриффитс. Дважды в день он приносил ей жидкую пищу, тратя все свое свободное время на разговоры с ней через узкую пластиковую трубу.

Со мной он теперь почти не разговаривал. Он стал замкнут, и лишь изредка рассказывал, о чем они там беседуют часами. Я сам не понимаю, почему мне хотелось об этом знать. Должно быть, у меня сложился чудовищный комплекс вины из-за всей этой истории, и я хотел быть причастным до конца, как будто поступая так, я мог разделить их личное горе...

Гриффитс торопливо карабкался вверх, цепляясь пальцами за обломки камня. Что-то произошло.

— Мистер Арчер!

Я перепрыгнул через забор и съехал вниз к нему, царапая руки о катящиеся камни. На крутом склоне мы резко столкнулись, схватившись друг за друга, и остановились, задыхаясь и едва удерживая равновесие.

— Что случилось? — выдохнул я.

— Она молчит. Ей было плохо сегодня, а теперь она не разговаривает. Я что-то слышал, какие-то странные звуки, но она сама молчит. — Глаза его расширились от страха.

Спустя несколько секунд, я уже стоял в полумраке сарая и пытался дозваться до нее через трубу, которая служила Руфь Вильерс для вентиляции, общения и передачи пищи.

— Руфь!

Я приложил ухо к трубе, напряженно прислушиваясь, но разобрал лишь какие-то слабые шорохи, словно она ворочалась на земле.

— Руфь! — закричал я снова. — Что случилось?

Внезапно все звуки снизу прекратились. Гриффитс, глядя в сторону, наклонился

ко мне и тоже стал прислушиваться. В сарае пахло сыростью и плесенью. На столе рядом со стойкой, крепившей трубу, стояла наполовину пустая молочная бутылка.

И вдруг из трубы совершенно чисто и ясно донесся крик новорожденного младенца.

Я вызвал бригаду рабочих, и через час они должны уже быть на месте. Надеюсь, часов через шесть Руфь Вильерс с ребенком окажется на свободе, так что никто не скажет, что Департамент работает неоперативно.

Дело в том, что в момент рождения ребенка в подземной пещере там стало два человека: Руфь Вильерс, с ее практически исчерпанным Кредитом Общественной Значимости, и ее дочь с Основной Индивидуальной Значимостью (Право по рождению) в 600 кредиток. Этого более чем достаточно, чтобы нанять рабочих. Теперь никто не сможет упрекнуть Систему. Даже «Нейшнл Дэйли». Даже я.

Перевод с английского
Александра КОРЖЕНЕВСКОГО

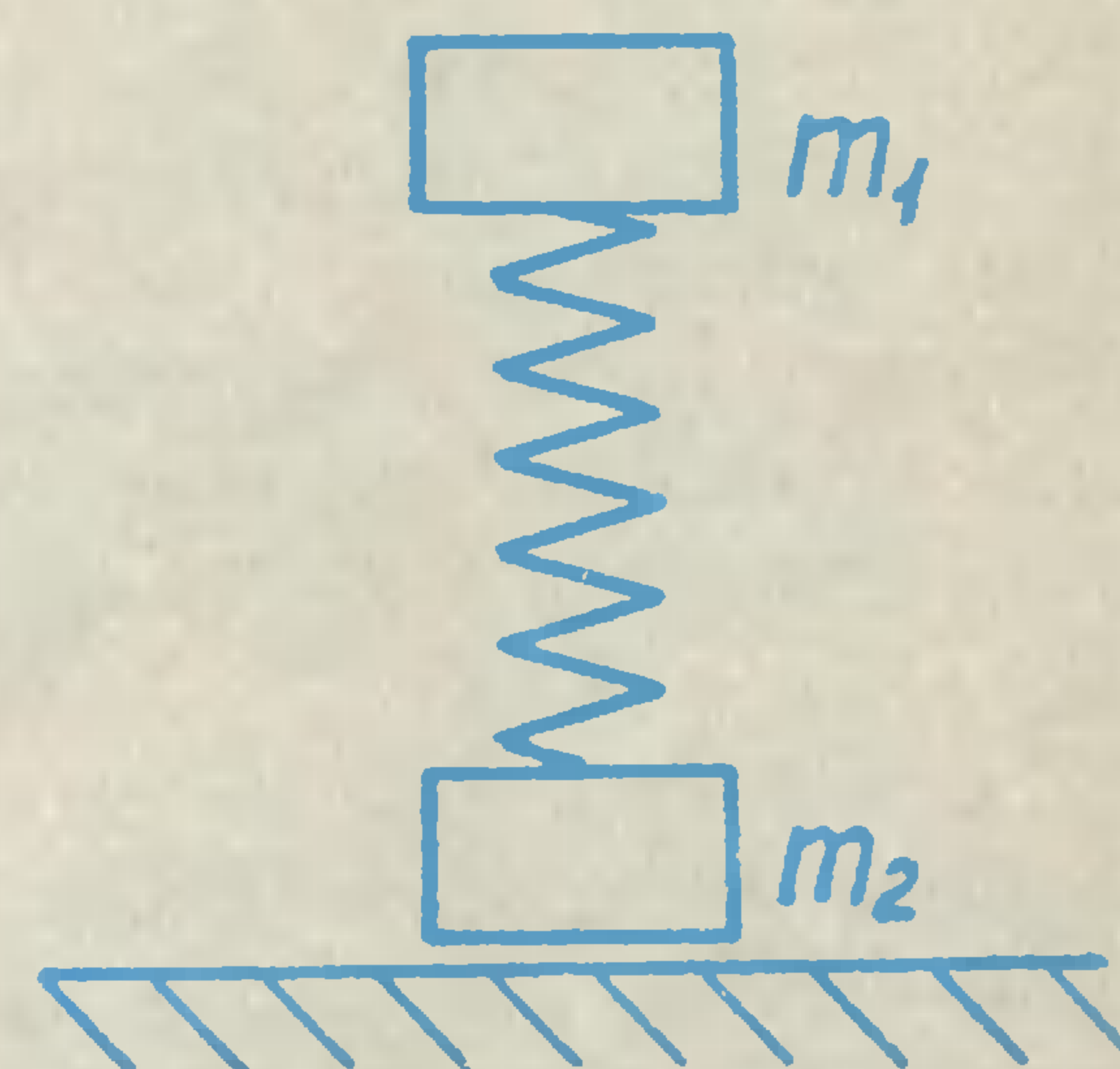
ЗАДАЧИ

Публикуемые ниже задачи предложены научными сотрудниками Института высоких температур АН СССР В. С. Игумновым и С. И. Зыряновым.

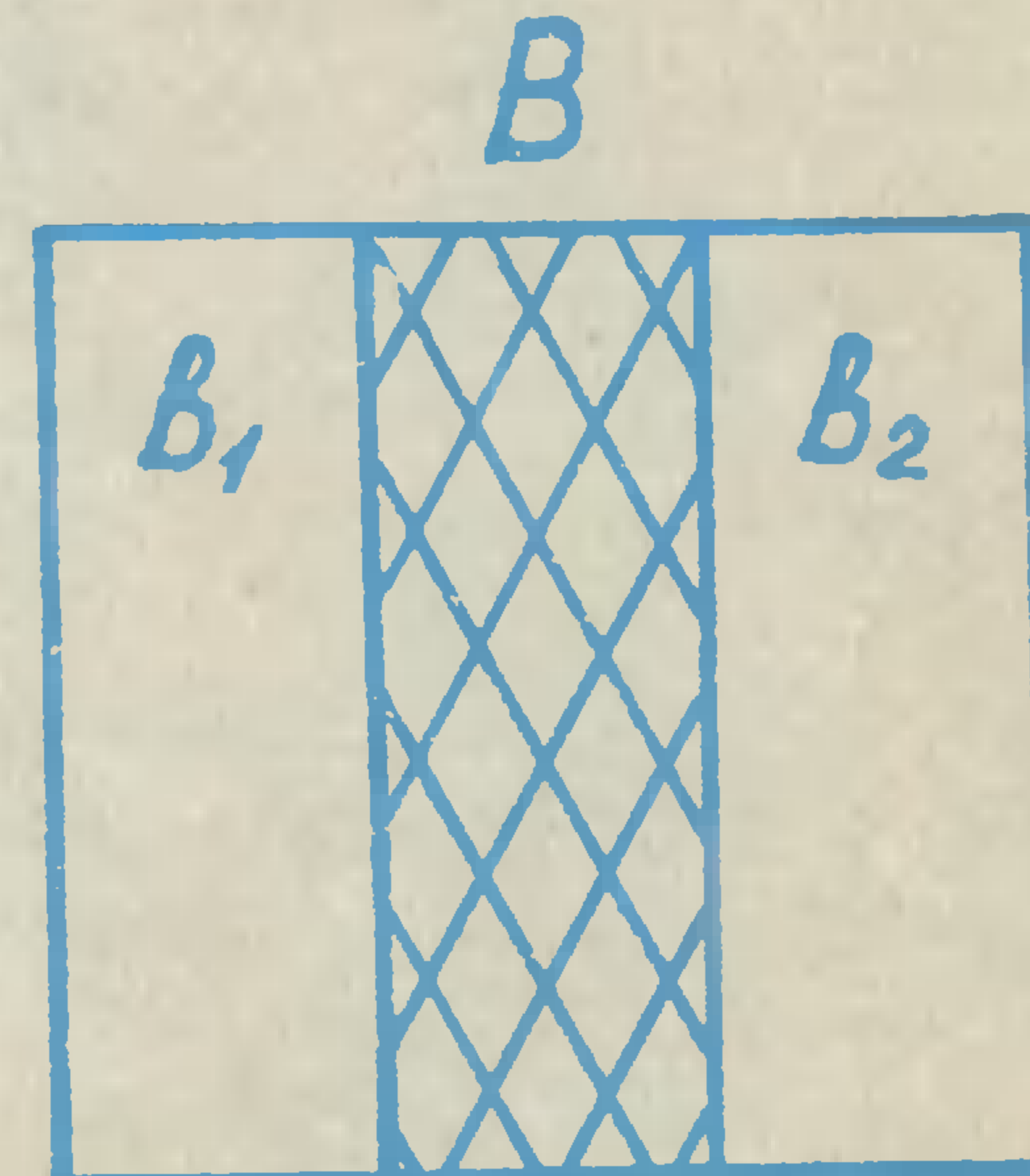
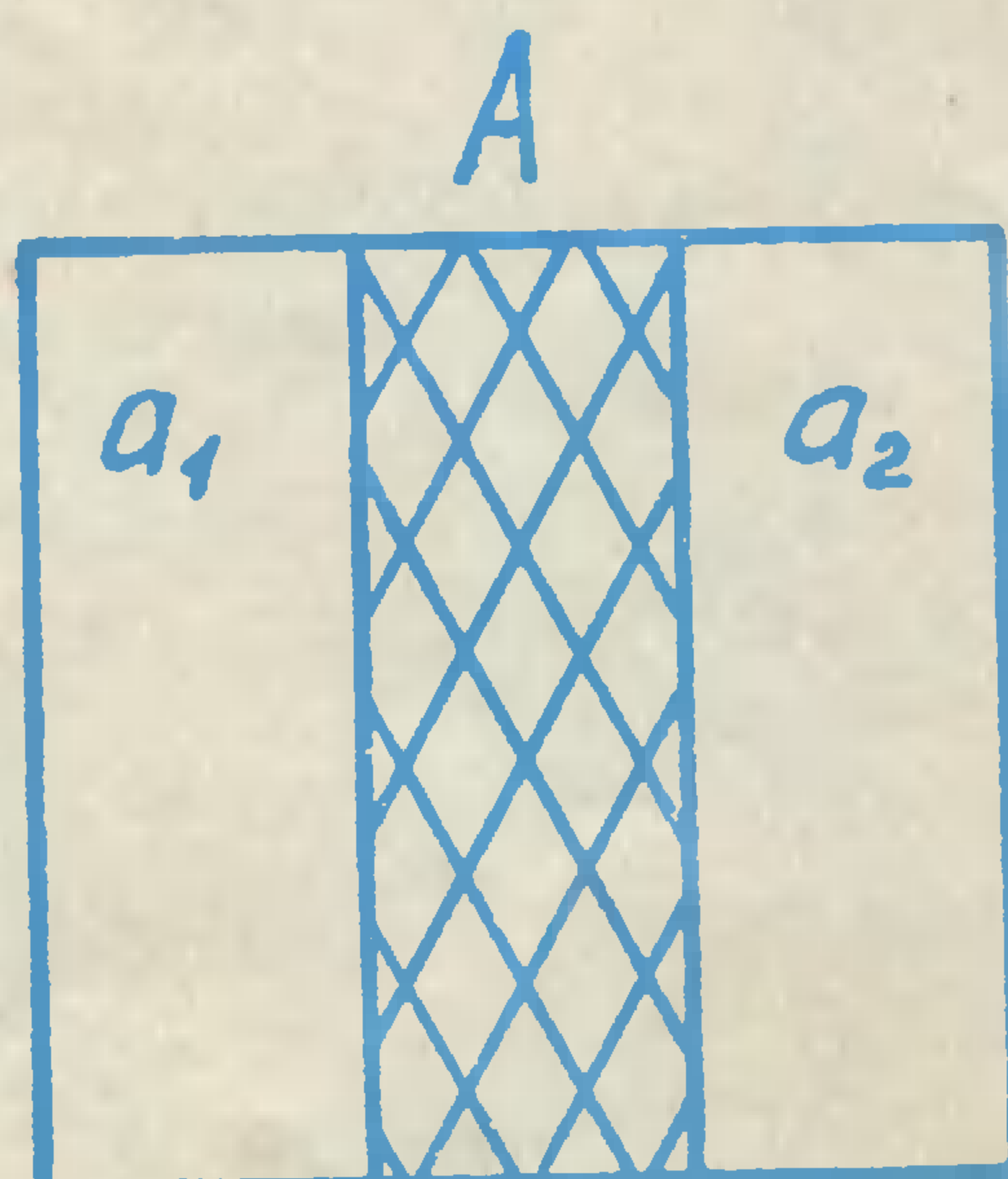
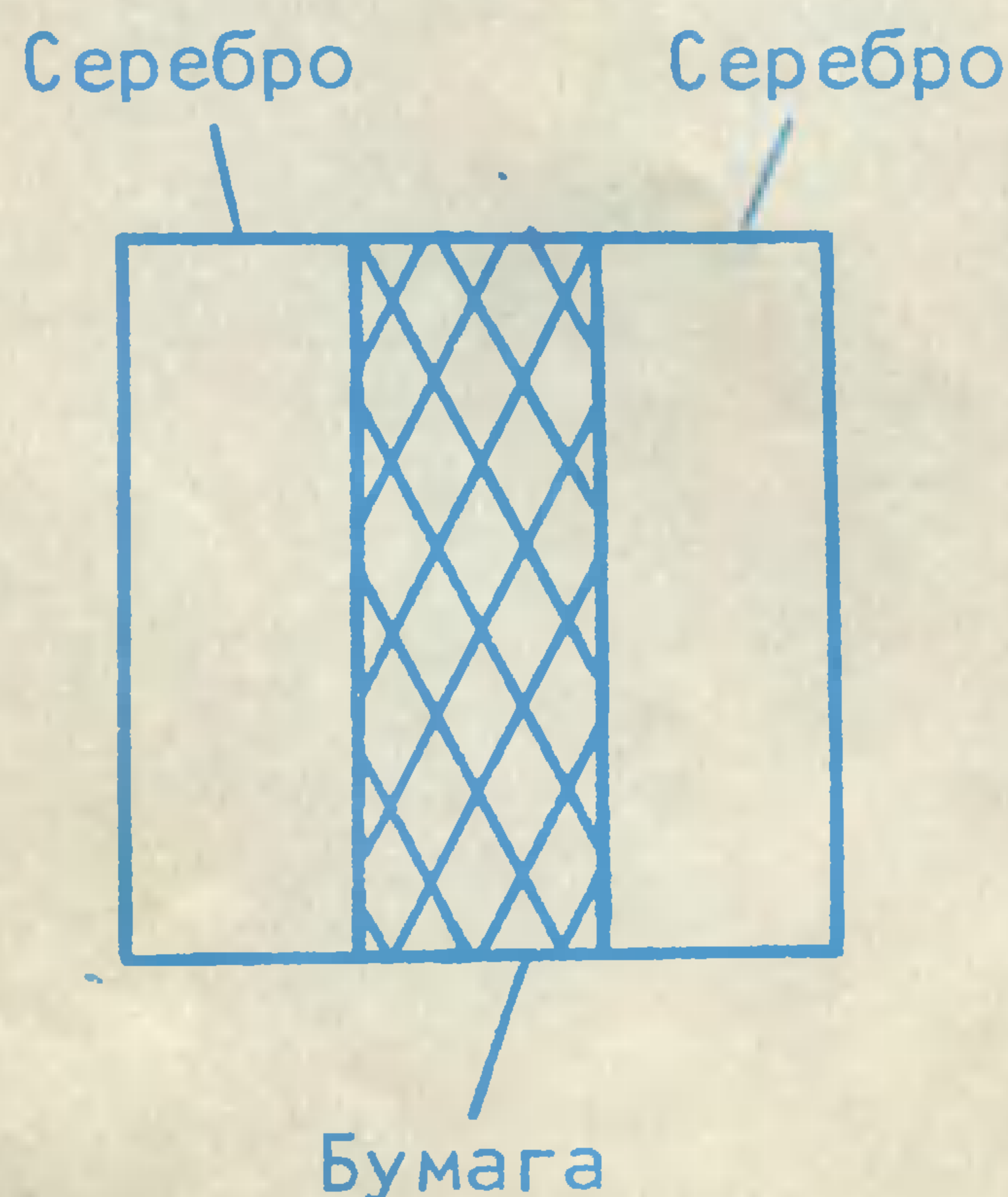
1. Имеем конструкцию, состоящую из двух пластин серебра, разделенных бумажной прокладкой. Теплопроводность серебра более чем в 1000 раз превышает теплопроводность бумаги. Размеры серебряных пластин и бумажной прокладки одинаковы. Возьмем две таких конструкции А и В, причем

температура первой меньше, чем температура второй. Как передать теплоту от конструкции В к конструкции А при отсутствии теплообмена с окружающей средой, чтобы для конечных температур обеих конструкций выполнялось неравенство $T'_A > T'_B$?

2. Два груза массами m_1 и m_2 соединены невесомой пружиной жесткости k . В положении, показанном на рисунке, пружина сжата и имеет длину l , а грузы покоятся.

В некоторый момент пружина начинает распрямляться. Определить условие отрыва нижнего груза от поверхности, если в свободном состоянии длина пружины равна l_0 .

$$T_A < T_B$$

Гордон Р. ДИКСОН

ПАРАДОКС

Кэри Хармон не был бездарностью. У него хватило ума, чтобы выбить себе место юрисконсульта, а на Венере это не так просто. И у него хватило прозорливости, чтобы закрепить свое положение женитьбой на дочери главы крупной фирмы по экспорту лекарств.

Жена Кэри была вспыльчива, и временами с ней было трудно ладить. Впрочем, она имела глупость любить его. А поскольку он не любил ее вовсе, то во время ссор просто исчезал на несколько дней и ждал, пока страх потерять его навсегда не приведет ее к должному смирению. Каждый раз Кэри скрывался в новом, надежном месте, чтобы прошлый опыт и знание его привычек не помогли жене разыскать его. Ему даже доставляло удовольствие выдумывать новые немыслимые тайники, а их поиски стали его любимым занятием.

Вот почему у Кэри было прекрасное настроение, когда серым зимним днем он без приглашения приземлился на метеорологической станции Берка Макинтайра, высоко в Одиноких горах (остроконечная гряда на пустынном побережье венерианского Северного моря). Кэри на несколько минут опередил снежную бурю, и теперь его маленький двухместный вертолет был надежно укрыт, еда из лучших хозяйских запасов ублажала его желудок, а сам он сидел, наслаждаясь покоем и слушая, как ледяные ветры со скоростью сто пятьдесят миль в час бессильно разбиваются о сводчатую крышу.

— Еще десять минут, и мне пришлось бы туго! — сказал он Берку.

— Туго! — фыркнул Берк. Это был высокий плотный блондин с крупными чертами лица, относившийся с добродушным презрением ко всем кроме метеорологов. — Вы там в низине слишком привыкли к жизни в своем райском саду. Еще десять минут — и тебя бы расплющило на одной из этих вершин. Пришлось бы тебе дожидаться, пока весенняя поисковая партия нашла твои кости.

Кэри недоверчиво рассмеялся.

— Не веришь — можешь проверить, — сказал Берк. — Бери свою стрекозу и вперед, если тебе так хочется.

— Ну, уж нет, — Кэри широко улыбнулся, блеснув зубами. — Я здесь слишком удобно устроился. Хорошо же ты встречаешь гостей: сразу вышибаешь на улицу в бурю.

— Смотря каких гостей, — пробурчал метеоролог. — Мы распрощались с тобой после выпускного вечера, шесть лет о тебе

не было ни слуху, ни духу, и вдруг ты заявляешься.

— У меня был внезапный порыв, — сказал Кэри. — Это мое главное жизненное правило. Всегда повинуйся внезапным порывам, Берк. Это придает вкус жизни.

— И в два счета сводит в могилу, — добавил Берк.

— Это если у тебя дурные порывы, — заметил Кэри. — Ну, хватит спорить. Лучше расскажи что-нибудь о себе. Какова жизнь отшельника? Чем ты занимаешься?

— Чем я занимаюсь? — повторил Берк. — Я работаю.

— Но как? Запускаешь в небо шары-зонды? Набираешь в ведро снег и определяешь, сколько всего выпало? Наблюдаешь за звездами? Или как-нибудь еще?

Берк покачал головой и снисходительно улыбнулся.

— Ничего такого романтического я не делаю, — ответил он. — Просто сижу за столом и готовлю данные о погоде для передачи в метеоцентр столицы.

— Ага! — произнес Кэри, укоризненно грозя ему пальцем. — Вот я тебя и поймал. Ты работаешь спустя рукава. Но кроме тебя никого нет: кто же занимается наблюдениями?

— Машина, конечно. На таких станциях есть электронный мозг.

— Еще лучше, — сказал Кэри. — Ты сидишь здесь в тепле и довольстве, а какой-то бедный маленький электронный мозг возится в снегу и делает за тебя всю работу.

— Сам того не ведая, ты очень близок к истине. За последние годы в оборудовании наших станций произошли удивительные изменения.

Кэри насмешливо улыбнулся.

— Да-да, — продолжал Берк, в глазах его появился огонек. — Наша ЭВМ — это последнее слово техники. По правде говоря, ее только недавно установили; еще недавно у меня был простой коллектор и компьютер. Коллектор собирал данные о погоде вокруг станции и выдавал их мне. Я загружал ими компьютер, тот некоторое время пережевывал их и выдавал результаты, которые снова надо было обрабатывать для передачи в Центр.

— Очень утомительно, без сомнения, — пробормотал Кэри, протянув руку за стаканом, удобно стоявшим на столике около кресла. Берк, увлеченный собственным рассказом, не обращал на него внимания:

— Приходилось попотеть, потому что данные поступали без перерыва, и я никог-

да не успевал вовремя. Станция вроде нашей — центр обработки наблюдений, поступающих с технических приборов. А они расположены на территории в пятьсот квадратных миль. И все, что я, человек, успевал делать, — это извлекать самое главное из докладов и представлять краткую сводку для компьютера. Кроме того, я отвечал за станцию и за себя. А теперь..., — Берк подался вперед и ткнул пальцем в гостя, — у нас новая установка, которая получает данные прямо с наблюдательных приборов — все данные! — и обрабатывает их до получения конечных результатов. Мне остается только подготовить полную сводку и отправить ее в Центр.

Кроме того, машина отвечает за отопление и освещение, проверяет техническое состояние станции. Она вносит исправления и производит ремонт по словесному приказу. Наконец, у нее есть специальная секция для решения теоретических задач.

— Что-то вроде маленького железного божка, — съехидничал Кэри.

Он привык, чтобы с ним носились, и его раздражало, что Берк больше восхищен своей машиной, чем блестящим и интересным гостем, приехавшим скрасить жизнь отшельника.

Берк взглянул на него и усмехнулся.

— Нет, Кэри, — ответил он. — Большая железная богиня.

— Все видит, все знает, все говорит — вероятно, так. Никогда не ошибается. Непогрешима.

— Можно сказать и так, — все еще с улыбкой ответил Берк.

— Но только этих качеств недостаточно, чтобы поднять свою жестянку до уровня божества. Не хватает одного наиважнейшего свойства — неуязвимости. Бог никогда не подведет.

— Она тоже.

— Ну хватит, Берк, — проворчал Кэри. — Нельзя в своей увлеченности доходить до самообмана. Совершенных машин нет. Пересеклась парочка проводов, перегорела лампочка, и где твоя умница-разумница? Сломалась!

Берк покачал головой.

— Никаких проводов нет, — сказал он. — Она действует на принципе лучевой связи. И перегоревшие лампочки совершенно не мешают работе. Задача просто передается в свободный блок, а машина сама себя ремонтирует. Понимаешь, Кэри, в этой модели каждый блок — а их двадцать — в полтора раза больше, чем

нужно для этой станции, и может выполнять любую работу: от управления отопительной системой до математических расчетов. Если какая-нибудь задача окажется слишком сложной для одного блока, к нему просто подключатся другие — столько, сколько нужно для ее решения.

— Ага! — сказал Кэри. — Но если отыщется такая задача, для которой потребуются все блоки и даже больше? Ведь машина перегрузит их и сгорит.

— Ты все время ищешь, как бы придраться, правда, Кэри? — произнес Берк. — Я отвечу на твой вопрос: нет. Она не сгорит. Теоретически возможно, что машина столкнется с задачей, для решения которой понадобятся все блоки, или их даже не хватит. Например, пусть наша станция вдруг стартует в воздух и начнет полет. Блок, который первым почувствует это, будет просить помощи, пока все другие блоки не подключатся к решению задачи. Но даже тогда машина не перегрузится и не сгорит. Блоки будут просто решать и решать задачу, пока не разработают теорию, объясняющую, почему мы летим по воздуху и как нам вернуться обратно к своим повседневным делам.

Кэри выпрямился и щелкнул пальцами.

— Тогда это просто, — сказал он. — Я сейчас пойду к твоей машине и скажу по казалу связи, что мы летим по воздуху.

Берк захохотал во все горло.

— Кэри, дурья твоя башка! — брякнул он. — Неужели ты думаешь, что люди, которые изобрели машину, не учли возможность словесной ошибки? Ты говоришь, что станция летит по воздуху. Машина тут же проверяет это с помощью собственных наблюдений, вежливо отвечает: «Простите, ваше утверждение неправильно» и все забывает.

Глаза Кэри сузились, на скулах выступили пятна, но он продолжал улыбаться.

— Есть еще теоретическая секция, — пробормотал он.

— Да, есть, — веселясь вовсю, ответил Берк, — и ты можешь пойти и сказать ей: «Рассмотрим ложное утверждение или ложные данные: станция летит по воздуху», и машина сразу же начнет думать.

Берк умолк, и Кэри выжидательно посмотрел на него.

— Но, — продолжал метеоролог, — она будет рассматривать твое утверждение только с помощью свободных блоков и только до того момента, как эти блоки понадобятся для рассмотрения верных данных.

Он замолчал, с насмешливым добродушием глядя на Кэри. Но Кэри не проронил ни слова.

— Брось, Кэри, — наконец проговорил Берк. — Это бесполезно. Ни бог, ни человек, ни Кэри Хармон не могут отвлечь электронный мозг от неуклонного исполнения своего долга.

Глаза Кэри блестели; взгляд мрачный, углубленный в себя. Целую вечность он просто сидел, уставившись в одну точку. Потом заговорил.

— Я могу, — тихо сказал он.

— Что? — спросил Берк.

— Я могу сбить с толку твою машину, — ответил Кэри.

— Да брось ты, Кэри! Не принимай так близко к сердцу. Ты не можешь придумать, как испортить машину, ну и что? Никто не может.

— Я сказал: могу.

— Заруби себе на носу: это невозможно. И давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Спорим на пять тысяч кредиток, — Кэри говорил все с большим воодушевлением, — что если ты подпустишь меня на минуту к машине, я полностью выведу ее из строя.

— Мне не нужны твои деньги, хотя пять тысяч равны моему годовому жалованью. Твоя беда в том, Кэри, что ты никогда не можешь смириться с проигрышем. Все, оставь, бог с этим!

— Или согласишься, или заткнись, — сказал Кэри.

Берк глубоко вздохнул.

— Послушай, — начал он, и в его низком голосе зарокотал гнев. — Наверное, я виноват, что науськал тебя на эту машину. Но не думай, что меня можно силой заставить признать твою правоту. Ты не имеешь понятия об устройстве машины и не представляешь, насколько я уверен в ней. Чтобы взять меня на пушку, ты предлагаешь пари на астрономическую сумму. Значит, если я откажусь, ты будешь считать, что выиграл. Ну так знай: я уверен на сто процентов и отказываюсь с тобой спорить, потому что, с моей стороны, это грабеж! И кроме того, стоит тебе проиграть, ты возненавидишь меня на всю жизнь.

— Пари остается в силе, — упрямо сказал Кэри.

— Хорошо! — вскакивая, прорычал Берк. — Хочешь спорить — пожалуйста. По рукам.

Кэри встал, ухмыляясь, вышел вслед за Берком из уютной гостиной и пошел по

коридору с обшитыми металлом стенами и сверкающими лампами на потолке. Они быстро дошли до стеклянной стены со стеклянной же дверью, за которой находилась машина.

Здесь Берк остановился.

— Если ты хочешь общаться с ней с помощью слов, — сказал он, — говори вон в то решетчатое отверстие. Но если ты думаешь применить силу, можешь сразу оставить эту затею. Системы освещения и отопления не имеют ручного управления даже на случай чрезвычайных обстоятельств. Их питает небольшой ядерный реактор, следит за ним только машина; ну, есть еще автоматическое устройство для охлаждения реактора, если в машину попадет молния или произойдет еще что-нибудь в этом роде. Экранирование такое, что его за неделю не прошибешь. А если ты хочешь прорваться к машине здесь, то знай: стальные листы — двухдюймовой толщины, а их края сплавлены под давлением.

— Уверяю тебя, — сказал Кэри, — я не собираюсь ничего ломать.

Берк внимательно посмотрел на него, но Кэри скривил губы в улыбке, в которой не было ни тени насмешки.

— Хорошо, — произнес Берк, отходя от двери. — Тогда вперед. Мне подождать здесь, или тебе нужно, чтобы я ушел?

— Ну что ты, ради бога, смотри, — ответил Кэри. — Нам, укротителям машин, скрывать нечего. — Он повернулся к Берку и, дурачась, поднял руки, — Видишь? В правой руке — ничего. В левой тоже ничего.

— Хватит болтать, — грубо перебил его Берк. — Давай скорее. Я хочу вернуться к своей выпивке.

— Сию минуту, — сказал Кэри, прошел в дверь и закрыл ее за собой.

Через прозрачную стену Берк видел, как тот приблизился к плите с решетчатым отверстием и остановился в двух футах от нее. На этом месте Кэри и застыл: плечи расслаблены, руки неподвижно свисают по бокам. Берк долго напрягал глаза, пытаясь разглядеть, что происходит за этим кажущимся оцепенением. Потом понял и рассмеялся.

Он до последней минуты разыгрывает комедию, решил Берк. Надеется, что я забеспокоюсь, брошусь в комнату и остановлю его.

Берк снова нахмурился. Нежелание признать чье-нибудь превосходство всегда

доходило у Кэри до ненормальности. И если не найти какой-нибудь способ его успокоить, он будет очень неприятным соседом на те несколько дней, пока буря продержит их вместе. Заставлять его лететь назад при ураганном ветре и жутком морозе было бы убийством в прямом смысле слова. В то же время не в характере Берка пресмыкаться перед кем бы то ни было.

Неожиданно вибрация генератора, которую Берк чуть чувствовал через пол и которая была для него так же привычна, как собственное дыхание, прекратилась. Трепещущие цветные ленты, прикрепленные к вентиляционному отверстию у него над головой, прервали свой танец и бесильно поникли: поддерживавший их поток воздуха иссяк. Лампы стали меркнуть и погасли, проход и комната освещались теперь только тусклым призрачным светом из толстых окон на противоположных концах коридора. Берк даже не заметил, как выронил сигарету и в два счета оказался в комнате.

— Что ты сделал? — набросился он на Кэри.

Тот с издевкой посмотрел на него, отошел к ближайшей стене и небрежно прислонился к ней плечом:

— Догадайся сам!

— Не дури, — начал метеоролог. Потом вдруг замолчал, поняв, что нельзя терять ни минуты. Берк метнулся к щиту управления, но тщетно. Реактор заглох. Вентиляционная система отключилась. Система подачи электроэнергии вышла из строя. На щите светилась только одна красная лампочка: это аккумуляторы в самой машине еще давали энергию. Огромные входные двери, такие широкие, что впускали и выпускали двухместный вертолет, закрылись и уже не откроются, потому что для этого нужна энергия. Телевидение, радио и телетайп тоже онемели и умерли.

Но машина все еще работала.

Берк шагнул к решетчатому отверстию, дважды нажал красную аварийную кнопку под ним.

— Внимание, — сказал он. — Реактор заглох, и всем приборам, кроме тебя, не хватает энергии. В чем дело?

Ответа не было, хотя красная лампочка на щите продолжала усердно светиться.

— Упрямая чертовка, да? — не отходя от стены, бросил Кэри.

Берк не обратил на него внимания и снова ткнул кнопку.

— Отвечай! — приказал он. — Отвечай

сейчас же! В чем загвоздка? Почему не работает реактор?

Ответа не было.

Берк повернулся к калькулятору, пальцы искусно забегали по клавиатуре. Перфолента, впитав энергию еще действующего внутри машины аккумулятора, выгнулась ленивой белой дугой и исчезла в прорези на щите. Берк кончил стучать по клавишам и стал ждать.

Ответа не было.

Он долго стоял, уставившись на калькулятор, не в силах верить, что машина его подвела. Потом повернулся к Кэри.

— Что ты сделал?

— Ты признаешь, что был неправ? — строго спросил Кэри.

— Да.

— И я выиграл пари? — настойчиво продолжал Кэри с нескрываемой радостью.

— Да.

— Тогда я скажу тебе, — произнес юрист. Он зажал губами сигарету и закурил, потом выдохнул длинную узкую ленту дыма. Она закрутилась колечками и повисла в неподвижном воздухе комнаты, который быстро остывал, не получая тепла от вентиляторов. — Твоя замечательная жестянка, возможно, хорошо соображает в метеорологии, но в логике она слабовата. Позор, если подумать, как тесно логика связана с математикой.

— Что ты сделал?

— Сейчас, все по порядку, — сказал Кэри. — Я и говорю, что это позор. Твоя безотказная машина, стоимостью, я думаю, в несколько миллионов кредиток, ломает мозги над парадоксом.

— Над парадоксом! — Берк чуть не плакал.

— Над парадоксом, — пропел Кэри, — над очень хитроумным парадоксом. Когда ты тут хвастался, я сообразил, что твою подружку нельзя разломать, но можно вывести из строя, придумав задачу, слишком сложную для ее механических мозгов.

Я вспомнил кое-что из курса логики — интересную штучку под названием парадокс Эпименида. Я точно не помню, как он звучал у греков — вообще-то на занятиях по логике можно было заснуть от скуки — ну, например, если я скажу тебе: «Все юристы лгуны», как ты определишь, истинно это утверждение или нет? Ведь я юрист, и если оно истинно, значит, я лгу, когда говорю, что все юристы лгуны. Но, с другой стороны, если я лгу, тогда не все

юристы лгуны, и утверждение — ложное. Получается, что если утверждение ложно, то оно истинно, а если истинно, то ложно и так далее.

Кэри вдруг прервал рассказ и разразился смехом.

— Ты бы посмотрел на себя в зеркало, Берк, — крикнул он. — Никогда в жизни не видел такого выражения: смотришь, как баран на новые ворота. Как бы то ни было, я просто переделал этот парадокс и скормил его машине. Пока ты так вежливо ждал за дверью, я подошел к машине и сказал: «Отвергни мое утверждение, потому что все, что я говорю — ложь».

Кэри примолк и посмотрел на метеоролога.

— Понимаешь, Берк? Она приняла мое утверждение и стала его рассматривать, чтобы отвергнуть. Но она не могла его отвергнуть, потому что оно истинно, а как оно может быть истинно, если в нем говорится, что все мои утверждения ложны. Понимаешь... да, ты понимаешь, я по твоему лицу вижу. О, если б ты только взглянул на себя сейчас. Гордость метеослужбы, сраженная парадоксом.

И Кэри снова надолго закатился смехом. Как только он начинал приходить в себя, одного взгляда на окаменевшее лицо Берка, выражающее полное смятение, было достаточно, чтобы вызвать новый приступ хохота. Метеоролог застыл, онемел и только неподвижно смотрел на гостя, как на привидение.

В конце концов, устав от веселья, Кэри стал приходить в чувство. Тихо посмеиваясь, он прислонился к стене, глубоко вздохнул и выпрямился. Поежилась от холода и поднял воротник рубашки.

— Теперь, Берк, ты знаешь, в чем фокус, и, пожалуйста, включи свою любимицу. Становится слишком холодно и неудобно, и дневной свет за окнами не особенно радует.

Но Берк не сдвинулся с места. Он все так же неотрывно смотрел на Кэри, сверля его взглядом. Кэри еще немножко похихикал.

— Ну, давай, Берк, — проговорил он. — За работу. Потом успеешь оправиться от удара. Если тебя беспокоит пари, забудь о нем. А если волнует, что малышка подвела, не расстраивайся. Она умнее, чем мне казалось. Я думал, она просто сорвется с предохранителя и совсем выключится, но видишь, она все еще трудится и призвала на помощь все блоки. Должно быть, она разрабатывает соответствующую теорию. Это приведет ее к решению задачи.

Пожалуй, она решит ее через годик-другой.

Берк по-прежнему стоял, как вкопанный. Кэри посмотрел на него с недоумением.

— В чем дело? — раздраженно спросил он.

Губы Берка стали двигаться, из угла рта вылетела капля слюны.

— Ты..., — начал он. Слово резко вырвалось из его горла, как хрип умирающего.

— Что?

— Ты дурак! — обрета дар речи, выдавил из себя Берк. — Ты тупой болван! Ты кретин!

— Я? Я? — закричал Кэри. От возмущения его голос перешел в визг. — Я был прав!

— Да, ты был прав, — сказал Берк. — Ты был даже слишком прав. Как я могу отвлечь машину от задачи и заставить ее подавать тепло и свет, когда все ее узлы бьются над твоим парадоксом? Что могу сделать я, если электронный мозг слеп, глух и нем?

Двое мужчин молча смотрели друг на друга из разных концов комнаты. От их дыхания в морозном воздухе плыли струйки пара. В тишине казалось, что далекое завывание бури, еле уловимое за толстыми стенами станции, становится все громче, и все яснее слышится в нем свирепое торжество.

Температура внутри станции быстро падала.

Перевод с английского
Н. МАГНАТ

Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 10 за 1990 г.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Стоик». 4. Разум. 8. Лаперуз. 9. Гюйгенс. 12. Кашемир. 13. Антиной. 14. Рондо. 17. Стражник. 18. Фландрия. 19. Квадрига. 21. Баллиста. 26. Мавры. 28. Симонов. 29. Валидол. 30. Лигурия. 31. Тромбон. 32. Панда. 33. Ядран.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Тверич. 3. Козерог. 4. «Ригведа». 5. Унгены. 6. Важенка. 7. Антипод. 10. Паустовский. 11. Конкистадор. 15. Ринго. 16. Алмаз. 20. Депозит. 22. Иерихон. 23. Катаяма. 24. «Орестея». 25. Кобура. 27. Заимка.

Рисунок С. Стихина

ГОНЧАРЫ ФЕРСКА

Джек ВЭНС

Желтая ваза на столе Томма была около тридцати сантиметров в высоту и от двадцати сантиметров в диаметре у основания расширялась кверху до тридцати. Вид спереди открывал незамысловатый изгиб, чистую и четкую линию, которая давала ощущение полной завершенности; глина тонкая, но не хрупкая: казалось, изделие изящно выгнулось, сознавая свою звонкую силу.

Совершенству формы не уступала красота глазури — это был замечательный прозрачный желтый цвет, сияющий, как вечерняя заря жарким летом. Он вместил в себя сущность цветков календулы, бледное, колеблющееся пламя шафрана, желтизну чистого золота — желтое стекло, которое, казалось, рождает и разбрасывает кругом пятна света; золотистость, сверкающая, но не ослепляющая, терпкая, как лимон, сладкая, как желе из айвы, успокаивающая, как луч солнца.

Во время беседы с Томмом, начальником отдела кадров Министерства межпланетных дел, Кисельский украдкой разглядывал вазу. Теперь, когда беседа окончилась, он не мог удержаться и подался вперед, чтобы более внимательно изучить сосуд. С несомненной искренностью Кисельский признался:

— Никогда не видел произведения искусства прекраснее.

Томм, мужчина, недавно вступивший в средний возраст, с бравыми седыми усами и острым, но снисходительным взглядом, откинулся на спинку стула.

— Это подарок на память. Да, можно сказать, что это сувенир, но можно сказать и по-другому. Я получил его много лет назад, когда был примерно в вашем возрасте. Он взглянул на настольные часы. — Пора подкрепиться.

Кисельский оторвался от вазы и торопливо потянулся за портфелем.

— Извините, я не имел понятия...

Томм поднял руку.

— Не спешите. Я бы хотел, чтобы вы пообедали со мной.

Кисельский забормотал неловкие отговорки, но Томм настаивал.

— Пожалуйста, садитесь, — на экране появилось меню. — Выбирайте.

Без дальнейших уговоров Кисельский выбрал блюда, и Томм сделал заказ. Стена открылась, из нее выкатился столик с легким обедом.

Даже во время еды Кисельский ласкал глазами вазу. Когда они пили кофе, Томм взял вазу и передал Кисельскому через стол. Кисельский приподнял ее, погладил снаружи, заглянул глубоко внутрь, всматриваясь в глазурь.

— В каком уголке Земли вы нашли такую чудесную вещь? — он разглядывал дно и, сдвинув брови, изучал нацарапанные на глине значки.

— Этот уголок не на Земле, — ответил Томм, — на планете Ферск. Он поглубже уселся на стуле. — С вазой связана целая история, — он замолчал и вопросительно взглянул на Кисельского.

Кисельский поспешно поклялся, что больше всего на свете жаждет выслушать эту историю. Томм слегка улыбнулся. В конце концов Кисельский в первый раз устраивался на работу.

— Как я уже сказал, я был примерно в вашем возрасте, — начал Томм. — Может быть, на год или на два старше, но к тому времени я уже пробыл девятнадцать месяцев на планете Пролив. Когда меня назначили на Ферск, я, конечно, очень обрадовался, потому что Пролив, как вы, возможно, знаете, унылая планета, там полно льда и зимних блох, а население самое нудное во всей Вселенной.

* * *

Томм пришел в восторг от Ферска. Там было все, чего не хватало на Проливе: тепло, аромат, приятный народ ми-туун с богатой своеобразной древней культурой. Ферск — небольшая планета, хотя тяготение на ней приближается к земному. Поверхность суши невелика: единственный акваториальный материк в форме гантели.

Управление межпланетных дел находится в Пеноплане, легендарном городе, полном очарования, расположенном в нескольких милях от Южного моря. Где-то вдалеке там всегда слышится музыка, воздух источает аромат благовоний и тысячу разных цветочных запахов. Невысокие дома из тростника, пергамента и темного дерева, расположенные как попало, на три четверти скрыты листвой деревьев и виноградными лозами. Город украшают каналы с зеленой водой, перекрытые арками деревянных мостов, увитых плющом и оранжевыми цветами; по каналам плавают лодки, каждая затейливо расписана многокрасочным орнаментом.

Жители Пеноплана, ми-туун,— приветливый народ с янтарного цвета кожей — умеют наслаждаться бытием, они чувственны, но в меру, раскованны и веселы, их жизнью управляют традиции. Они рыбачат в Южном море, выращивают злаки и фрукты, производят товары из дерева, смолы и бумаги. Металл — большая редкость на Ферске, и во многих случаях металлические изделия заменяют инструментами и утварью из глины такой прочности и столь искусной работы, что недостаток металла совершенно не ощущается.

Работа в Управлении удивительно пришлась бы Томму по душе, если бы не норов его начальника. Начальником был Джордж Ковилл, краснолицый человек небольшого роста с голубыми глазами навывкате, тяжелыми морщинистыми веками и редкими рыжеватыми волосами. Он имел обыкновение, когда его что-то раздражало, а это частенько случалось, склонять голову набок и секунд пять пялиться на собеседника. Потом, если его задело за живое, он начинал рвать и метать, если нет — гордо удалялся.

В Пеноплане работа Ковилла носила скорее технический, чем научный характер, и даже в этой сфере ему почти нечего было делать, так как в основе деятельности Управления лежал принцип невмешательства в гармонично развитые культуры. Он ввез силиконовую нить для замены древесного волокна, из которого местные жители плели рыболовные сети, построил маслоочистительный заводик, преобразующий рыбий жир, которым они заправляли лампы, в более легкую, чистую жидкость. Дома в Пеноплане оклеивали воценой бумагой, она поглощала влагу и через несколько месяцев обычно расплзалась на части. Ковилл ввел пластмассо-

вое покрытие, действующее вечно. Помимо этих незначительных нововведений Ковилл мало что сделал. Управлению была дана установка улучшать уровень жизни аборигенов в рамках их собственной культуры. Методы, понятия и философские воззрения, принятые на Земле, применялись очень понемногу и только по просьбе самих местных жителей.

Однако очень скоро Томм понял, что Ковилл только на словах признает принципы работы Управления. Временами он поступал, с точки зрения хорошо подкованного в теории Томма, неумно и необоснованно. На берегу главного канала Пеноплана он выстроил здание Управления в земном стиле; бетон и стекло совершенно не сочетались с сочными цветами слоновой кости и шоколада красками Пеноплана — это было непростительно. Начальник строго соблюдал часы приема, и раз десять Томму приходилось, запинаясь, извиняться и отсылать назад делегацию ми-туун, торжественно прибывшую при полном параде. А Ковилл в это время, раздевшись до пояса и таким образом частично избавившись от раздражавшего его жесткого полотняного костюма, восседал с сигарой и кружкой пива в плетеном кресле и любовался танцующими на телеэкране девицами.

* * *

Томму поручили борьбу с сельскохозяйственными вредителями, эти обязанности Ковилл считал ниже своего достоинства. Так, во время одной из командировок Томм впервые услышал о гончарах Ферска.

Нагруженный распылителем против насекомых и свисающей с пояса патронной лентой с крысиным ядом, Томм бродил по беднейшим окраинам Пеноплана, где не росли деревья и до самых Кукманкских гор простиралась высохшая равнина. В этой сравнительно унылой местности он набрел на длинный ряд прилавков под открытым небом — базар гончарных изделий. Столы и полки были уставлены товарами на любой вкус, от глиняных горшков для маринованной рыбы до крошечных вазочек, тонких, как бумага, и светлых, как молоко. Здесь стояли блюда, большие и маленькие, сосуды любой формы и размера, все разные — кувшины, супницы, бутылки, кружки. На одной подставке лежали керамические ножи, глазированная глина звенела, как сталь, лезвие из густых капель глазури гладко отполировано и острее, чем у любой бритвы.

Томма поразили краски. Редкий, насыщенный алый, зеленый оттенка струящейся речной воды, бирюза в десять раз гуще небесной. Он увидел пурпур с металлическим отливом, коричневый с прожилками света, розовый, фиолетовый, серый, пятнистый красновато-бурый, синий оттенков купороса и кобальта, необычные блики и переливы стекловидной массы. Некоторые глазури были украшены кристаллами, похожими на снежинки, в других плавали мелкие блески из расплавленного стекла.

Находка привела Томма в восхищение. Здесь сочетались красота формы, материала и высокое мастерство. Добротность корпуса, крепкая природная, первозданная сила, исходящая от дерева и глины, расплавленные цветные стекла, стремительные, беспокойные изгибы ваз, емкость кубков, размеры блюд — от всего этого у Томма просто дух занялся от восторга. И все-таки в этом базаре была какая-то загадка. Во-первых, — глаза Томма скользили вверх и вниз по полкам — чего-то не хватало. В разноцветье выставки отсутствовал один цвет — желтый. Желтой глазури на базаре не было. Кремовая, соломенная, янтарная — пожалуйста, но не сочная, яркая желтая.

«Может быть, гончары избегают желтого цвета из суеверия, — размышлял Томм, — или это королевский цвет, как на Земле в Древнем Китае, или он считается цветом смерти, болезни». Ход мыслей привел Томма ко второй загадке: кто эти гончары? В Пеноплане не было печей для обжига и сушки таких изделий.

Томм подошел к продавщице, прелестной девушке, почти подростку. Она носила традиционное парео ми-туун, вроде тайтянского, пояс с цветочным узором вокруг талии, тростниковые сандалии. Ее кожа блестела, как янтарная глазурь у нее за спиной; она была стройна, спокойна и дружелюбна.

— Здесь все так прекрасно, — заговорил Томм. — Сколько стоит, например, вот это? — Он дотронулся до высокого графина, светло-зеленого с серебристыми прожилками и серебряным отливом.

Несмотря на красоту сосуда, цена оказалась выше, чем Томм ожидал. Видя его удивление, девушка сказала:

— Это наши праотцы, и продавать их так же дешево, как дерево или стекло, просто непочтительно.

Томм поднял брови, но решил не придавать значения тому, что он посчитал

традиционной народной символикой.

— Где производят эту посуду? — спросил он. — В Пеноплане?

Девушка замаялась, и Томм почувствовал, что она слегка смущена. Она повернула голову и посмотрела в сторону Кукманкской гряды.

— Печи там, в горах; туда уходят наши праотцы и оттуда приходят сосуды. Больше я ничего не знаю.

Томм осторожно произнес:

— Вы не хотите об этом говорить?

Девушка пожала плечами.

— У меня нет причин что-то скрывать. Просто ми-туун боятся гончаров, мысли о них наводят грусть.

— Но почему?

Девушка скорчила рожицу.

— Никто не знает, что находится за первым холмом. Иногда видно, как там горят печи, и еще время от времени, когда нет мертвых, гончары забирают живых.

Томм подумал, что, если это правда, дело требует вмешательства Управления вплоть до применения военной силы.

— Кто эти гончары?

— Вон, — сказала девушка и показала пальцем. — Вон гончар.

Томм посмотрел туда, куда указывал палец, и увидел скачущего человека. Он был выше ростом и крупнее, чем ми-туун. Человек был закутан в длинный серый бурнус, и Томм не мог как следует его разглядеть, но подметил бледную кожу и рыжевато-каштановые волосы. Томм обратил внимание на полные корзины, навьюченные на животное.

— Что он везет?

— Рыбу, бумагу, ткани, масло — он меняет посуду на разные товары.

Томм поднял свое снаряжение для борьбы с вредителями.

— Я собираюсь на днях навестить гончаров.

— Не надо, — проговорила девушка.

— Почему?

— Это очень опасно. Они жестокие, скрытные...

Томм улыбнулся.

— Я буду осторожен.

* * *

Когда Томм вернулся в Управление, Ковилл дремал, раскинувшись в плетеном шезлонге. При виде Томма он встряхнулся и сел.

— Где вас черт носит? Я велел к сегодняшнему дню подготовить расчеты по электростанции.

— Я положил расчеты вам на стол, —

вежливо ответил Томм. — Если вы хоть раз подходили к столу, то не могли их не заметить.

Ковилл впери́л в Томма враждебный взгляд, но на этот раз не нашелся, что сказать. И, брюзжа, откинулся в кресле. Обычно Томм пропускал мимо ушей грубости Ковилла, объясняя их его обидой на Министерство. Ковилл считал, что он заслуживает лучшего применения и более высокой должности.

Томм сел и налил себе пива из запасов Ковилла.

— Вы знаете что-нибудь о гончарных мастерских в горах?

Ковилл фыркнул.

— Там живет племя разбойников, что-то в этом роде, — он нагнулся вперед и потянулся за пивом.

— Я заходил сегодня на посудный базар, — сказал Томм. — Продавщица назвала сосуды «праотцами». Довольно странно.

— Чем дольше вы будете рыскать по планетам, — заявил Ковилл, — тем более странным вам будет казаться все, что вы увидите. А меня уже ничем не удивишь, разве что переводом в Министерство. — Он горько усмехнулся и глотнул пива. Подкрепившись, продолжил не так резко. — Я кое-что слышал об этих гончарах, ничего определенного, мне всегда не хватало времени ими заняться. Я думаю, все дело в каком-то религиозном погребальном обряде. Они забирают покойников и хоронят за плату или в обмен на товары.

— Продавщица сказала, что когда нет мертвых, они иногда хватают живых.

— Как? Что такое? — голубые глаза сурово засверкали с красной физиономии.

Томм повторил. Ковилл потер подбородок и встал.

— Вылетаем сейчас же, чертовщина какая-то, посмотрим, что затевают эти гончары. Давно хотел узнать.

Томм вывел из ангара вертолет, сел в кабину, и Ковилл осторожно забрался внутрь. Неожданная активность Ковилла озадачила Томма, а больше всего предполагаемый полет. Ковилл терпеть не мог летать и обыкновенно говорил, что нога его не ступит в вертолет.

Лопасты винта загудели, ухватили воздух, аппарат взмыл ввысь. Пеноплан превратился в шахматную доску из листвы и коричневых крыш. В тридцати милях от него, за сухой песчаной равниной возвышался Кукманкский хребет — бесплодные уступы и вершины серых скал.

Обнаружить сразу, в каком ущелье здесь живут люди, казалось делом безнадежным.

Ковилл напряженно вглядывался в пустынную землю и что-то бурчал по этому поводу, но Томм показал на столбик дыма.

— Гончарам нужны печи. Печам нужен огонь...

Они приблизились, однако, оказалось, что дым идет не из кирпичных труб, а из расщелины на вершине конусообразного горного купола.

— Вулкан, — сказал Ковилл, довольный ошибкой Томма. — Поищем здесь, вдоль гребня горы; если ничего не найдем — вернемся.

Томм внимательно изучал местность внизу.

— Похоже, мы уже нашли. Посмотрите поближе, видны здания.

Вертолет спустился пониже, и стали заметны ряды каменных домов.

— Приземляться будем? — с сомнением в голосе спросил Томм. — Говорят, они довольно грубые.

— Конечно, садитесь, — рявкнул Ковилл. — Мы официальные представители властей.

«Возможно, для горцев это ничего не значит», — подумал Томм. Тем не менее он посадил вертолет на плоской каменистой площадке посреди деревни. Вертолет, может, и не встревожил гончаров, но все-таки они затаились. В течение нескольких минут деревня не подавала признаков жизни. Небольшие каменные домики стояли мрачные и безучастные, как надгробные памятники.

Ковилл вышел. Томм, убедившись, что гамма-ружье лежит в пределах досягаемости, последовал за ним. Ковилл стоял около вертолета, глаза его бегали от ближних домов к дальним и обратно.

— Хитрые черти, — прорычал он. — Ну... мы лучше тут постоим, пока они не покажутся.

Томм охотно согласился с этим предложением, и они остались ждать под сенью вертолета. Без сомнения, они были в деревне гончаров. Повсюду валялись черепки — сверкающие осколки глазированной глины вспыхивали, как позабытые драгоценные камни. У подножия склона высилась груда битого неглазированного фарфора, которая, очевидно, потом пойдет в дело, а вдали виднелся длинный сарай с черепичной крышей. Томм тщетно искал глазами печь. Он увидел только расщелину в горе, расщелину, к которой вела

натоптанная тропинка. У него возникло любопытное предположение, но тут появились трое высоких стройных мужчин в серых бурнусах. Они откинули капюшоны и стали похожи на средневековых монахов Земли, только вместо тонзуры на головах горели высокие копны буйных рыжих волос.

Предводитель подошел решительным шагом. Томм оцепенел и приготовился ко всему. Ковилл, напротив, стоял с непринужденным и презрительным видом, как господин среди рабов. В трех метрах от них вождь остановился. Он был выше Томма, с крючковатым носом, умными холодными глазами, напоминающими два серых камешка. С минуту вождь выжидал, но Ковилл только разглядывал его. Наконец гончар вежливо заговорил:

— Что привело незнакомцев в поселок гончаров?

— Я — Ковилл, из Управления межпланетных дел в Пеноплане, официальный представитель властей. Мы просто облетаем окрестности, решили посмотреть, как вы тут живете.

— Мы не жалуемся, — ответил вождь.

— Мне доложили, что вы похищаете ми-туун, — сказал Ковилл. — Это правда?

— Похищаем? — задумчиво произнес вождь. — А что это значит?

Ковилл объяснил. Уставясь на Ковилла почерневшими, как вода, глазами, вождь почесал подбородок.

— Существует старинное соглашение, — наконец проговорил вождь. — Гончарам предоставляют тела умерших, и изредка при крайней необходимости мы на год-другой опережаем природу. Но какое это имеет значение? Душа вечно живет в сосуде, которому она передает свою красоту.

Ковилл вытащил трубку, Томм затаил дыхание. Набивание трубки порой предвещало холодный пристальный взгляд иско-са, после чего по временам следовала вспышка гнева. Однако сейчас Ковилл держал себя в руках.

— Что вы делаете с трупами?

Вождь удивленно поднял брови.

— Разве не понятно? Нет? Сразу видно, что вы не гончар. Для глазури нужны свинец, песок, глина, щелочь, шпат и известь. Все, кроме извести, у нас под рукой, а известь мы добываем из костей мертвецов.

Ковилл зажег трубку и закурил. Томм успокоился. На этот раз пронесло.

— Ясно, — сказал Ковилл. — Ну вот, мы не желаем вмешиваться в местные обычаи,

обряды и установления, если они не угрожают общественному порядку. Вам надо понять, что нельзя больше похищать людей. Трупы — это дело ваше и родственников покойного, но жизнь важнее печных горшков. Если вам нужна известь, я достану вам тонны извести. Здесь на планете должны быть залежи известняка. На днях я пошлю Томма на разведку, и у вас будет столько извести, что вам некуда будет ее девать.

Вождь с улыбкой покачал головой.

— Природная известь — плохой заменитель свежей, живой костной извести. В костной содержатся некоторые необходимые соли. Кроме того, душа человека находится в костях и из них переходит в глазурь, дает ей внутреннее свечение, не достижимое никаким другим способом.

Ковилл курил, курил, курил, вытаращив на вождя суровые голубые глаза.

— Мне все равно, какие материалы вы используете, — заговорил он, — но похищать и убивать людей нельзя. Если вам нужна известь, я помогу ее достать; я здесь для того и нахожусь, чтобы помогать вам и поднимать ваш жизненный уровень. Но я обязан также защищать ми-туун от набегов. Я могу справиться и с тем, и с другим и одинаково успешно.

Уголки рта вождя сдвинулись. Прежде, чем он успел выпалить грубость, Томм ввернул вопрос:

— Скажите, а где у вас печи?

Вождь перевел на него неприветливый взгляд.

— Обжиг происходит в Великой печи. Мы складываем изделия в пещеры, и раз в месяц снизу поднимается тепло. Целый день жар бурлит, пылая и раскаляя все добела, а через две недели пещеры остывают, и мы идем за посудой.

— Это интересно, — заметил Ковилл. — Я хотел бы осмотреть ваши мастерские. Где у вас гончарня, внизу в сарае?

Вождь застыл.

— Ни один человек не имеет права заглядывать в этот сарай, — медленно проговорил он, — только гончар, и то, если он докажет, что владеет мастерством.

— Как это доказывают? — небрежно спросил Ковилл.

— В возрасте четырнадцати лет человек берет молоток, ступку, фунт костной извести и уходит из дома. Он должен добыть глину, свинец, песок, шпат. Найти железо для коричневой глазури, малахит для зеленой, кобальт для синей, растолочь смесь в ступе, нанести на черепок и поло-

жить у отверстия Великой печи. Если черепок выйдет удачный, глина крепкая, глазурь хорошего качества, ему позволят войти в длинную гончарню и познать тайны ремесла.

Ковилл вынул изо рта трубку и насмешливо спросил:

— А если черепок не получится?

— Нам не нужны плохие гончары, — ответил вождь. — Нам всегда нужна костная известь.

Томм оглядывал осколки цветной керамики.

— Почему вы не готовите желтую глазурь?

Вождь развел руками.

— Желтая глазурь? Она недостижима, ее тайну не может раскрыть ни один гончар. Железо дает грязный желтовато-коричневый цвет, серебро — серовато-желтый, хром — зеленовато-желтый, а сурьма сгорает в пламени Великой печи. Чистый насыщенный желтый цвет, цвет солнца..., это мечта.

Ковилл заскучал.

— Ну, раз вы никак не отважитесь показать нам свои владения, мы полетим домой. Запомните, если вам потребуется какая-нибудь техническая помощь, я помогу. Я мог бы даже узнать, как приготовить вашу расчудесную желтую...

— Это невозможно, — сказал вождь. — Мы, гончары Вселенной, бьемся над ней тысячелетия.

— ...Но больше никаких убийств. Если не прекратите, я положу конец гончарному производству.

Глаза вождя засверкали.

— Ваши слова враждебны!

— Если вы думаете, что я этого не сделаю, вы ошибаетесь, — продолжал Ковилл. — Я брошу бомбу в жерло вулкана и взорву пещеру и всю гору. Власть призвана защищать каждого человека, где бы он ни был, а это значит защищать митуун от племени гончаров, которое охотится за их костями.

Встревоженный Томм потянул Ковилла за рукав.

— Садитесь в вертолет, — прошептал Томм. — У них вид угрожающий. Они вот-вот набросятся.

Ковилл повернулся спиной к помрачневшему вождю и нарочито не спеша вскарабкался в вертолет. Томм осторожно поднялся вслед за ним. Ему казалось, что вождь готов напасть на них, а Томм вовсе не рвался в драку.

Он включил сцепление, лезвия винта

стали перемалывать воздух; вертолет поднялся, оставив внизу кучку безмолвных гончаров в серых бурнусах. Ковилл с довольным видом откинулся на сидение.

— С подобными людьми только так и можно, а именно — показать им свое превосходство; только так они станут вас уважать. Малейшая неуверенность, они почувствуют слабину, как пить дать, и тогда вы пропали.

Томм промолчал. Методы Ковилла могли принести непосредственные плоды, но, в конечном счете, с точки зрения Томма, они были недальновидны, неприятны и в целом нетерпимы. На месте Ковилла он бы подчеркнул возможность Управления обеспечить заменители костной извести и, может быть, помочь разрешить какие-нибудь технические трудности, хотя, конечно, гончары знают свое дело и уверены в собственном мастерстве.

Правда, желтой глазури у них нет. В тот же вечер он взял в библиотеке Управления пленку и вставил в переносной видеоскоп. Пленка повествовала о гончарном деле. И Томм впитал столько знаний, сколько смог.

(Окончание в следующем номере)

Перевод с английского
Н. Я. МАГНАТ

Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 7 за 1991 год

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Ларошфуко.
4. Радуга. 6. Опушка. 8. Андалузит.
13. Рапсод. 16. Доцент. 17. Риксдаг.
18. Плошка. 19. «Орбита». 21. Гонорар.
24. Абакан. 25. Символ. 28. Ионосфера.
29. Третий. 30. Левада. 31. Магницкий.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Афгани. 3. Куприн.
4. Рецепт. 5. Балбес. 7. Арамеи.
9. Краснодар. 10. Горностай. 11. Войницкий.
12. Старатель. 14. Пифагор.
15. Самосад. 20. Радист. 22. Одесса.
23. Европа. 26. Готика. 27. Орбели.

ГОНЧАРЫ ФЕРСКА

Джек ВЭНС

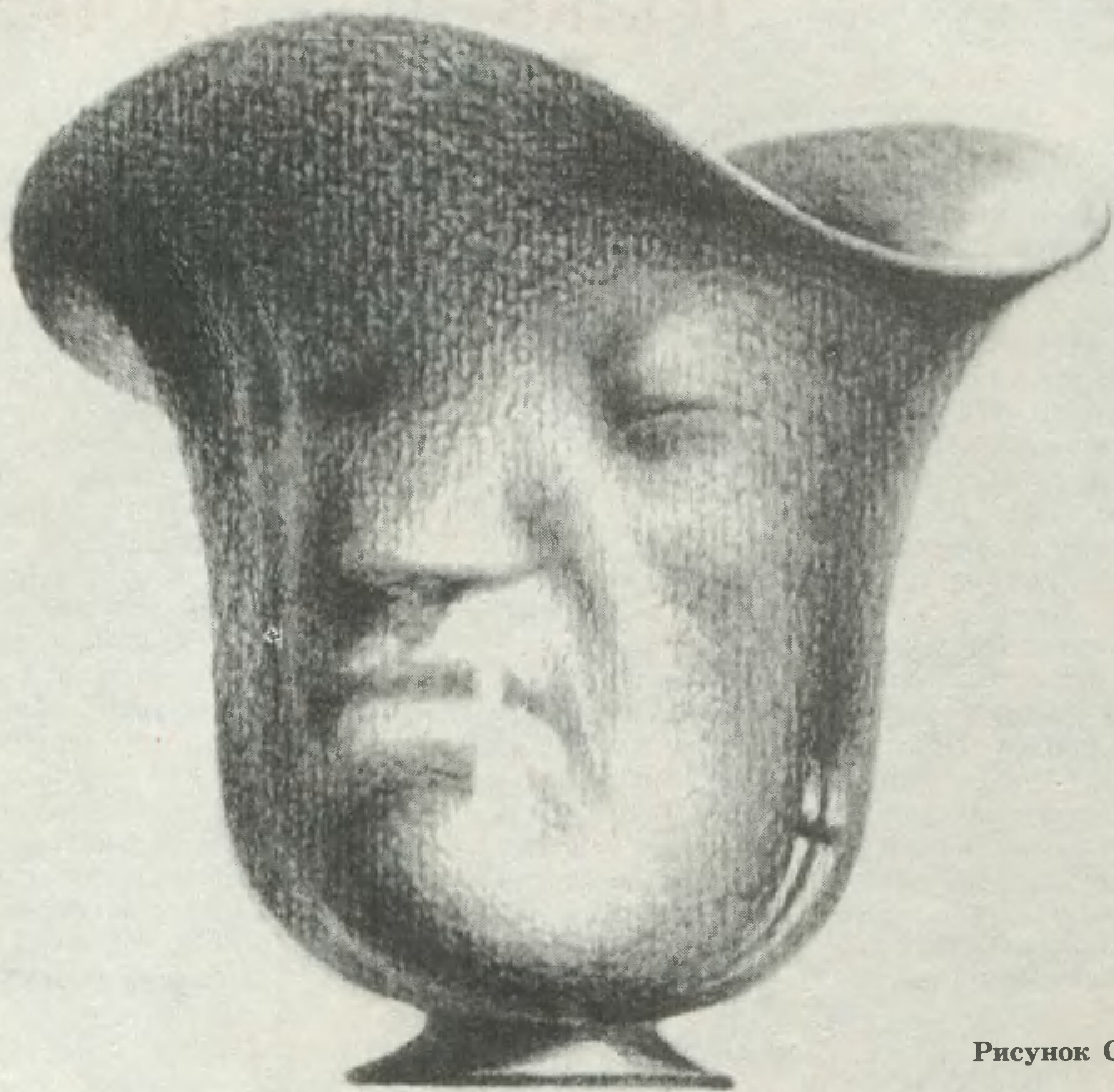

Рисунок С. Стихина

В течение последующих нескольких дней Томм работал над излюбленным проектом Ковилла — планом строительства небольшой атомной электростанции. Томму не нравилась эта идея. Каналы Пеноплана мягко освещались желтыми фонариками, сады сияли в пламени свечей, выдыхали густой аромат ночных цветов — это был город из страны чудес; электричество, двигатели, лампы дневного света, водяные насосы, несомненно, ослабят его очарование. Однако Ковилл настаивал, что Вселенная только выиграет от

постепенного слияния в огромный единый промышленный комплекс.

Дважды Томм проходил мимо посудного базара и дважды заглядывал туда полюбоваться на переливающиеся сосуды и побеседовать с девушкой, которая обслуживала покупателей. Она была завораживающе красива, изящество и обаяние вошли в ее плоть и кровь, она с интересом слушала все, что Томм мог рассказать об окружающей Вселенной, и он, юный, мягкосердечный и одинокий, все с возрастающим нетерпением ждал новых встреч.

Какое-то время Ковилл страшно загружал его работой. Из министерства шли

Окончание. Начало в № 8.

указания, и Ковилл поручал задания Томму, а сам либо дремал в плетеном кресле, либо прогуливался в специальной черной с красным лодке по каналам Пеноплана.

Наконец в один из дней далеко за полдень Томм отложил свои записи и вышел на затененную могучими каотанговыми деревьями улицу. Он пересек центральный рынок, где торговцы спешили продать оставшиеся к вечеру товары, около покрытой дерном набережной свернул на тропинку и вскоре оказался на посудном базаре.

Но девушки там не оказалось. Сбоку у стены скромно стоял худой мужчина в черной куртке и ждал, когда к нему обратятся. В конце концов Томм подошел к нему.

— А где Су-зен?

Мужчина замялся. Томм забеспокоился.

— Она заболела? Может быть, она бросила работу?

— Она ушла.

— Куда ушла?

— К праотцам.

— Что-о? — у Томма пробежал мороз по коже, он окаменел.

Продавец опустил голову.

— Она умерла?

— Да, умерла.

— Но от чего? Несколько дней назад она была здорова.

Мужчина снова замялся.

— Умереть можно по-разному, землянин.

Томм разозлился.

— Быстро говорите, что случилось!

Опешив от такого напора, мужчина затараторил:

— Гончары призвали ее к себе в горы; она ушла, но скоро она будет жить вечно, и душа ее погрузится в чудесное стекло...

— Скажите прямо, — не отступался Томм, — когда гончары забрали ее, она была жива?

— Да, жива.

— Еще кого-нибудь забрали?

— Еще троих.

— Живых?

— Живых.

Томм побежал в Управление.

* * *

Ковилл случайно оказался на месте, он проверял работу Томма. Томм выпалил:

— Гончары не успокоились, на днях они увели четверых ми-туун.

Ковилл выпятил подбородок и цветисто выругался. Томм понимал, что Ковилл

возмущен не столько самим преступлением, сколько тем, что гончары бросили ему вызов, ослушались его. Его лично оскорбили, это так не пройдет.

— Выведите вертолет, — кратко приказал Ковилл. — Поставьте его перед зданием.

Когда Томм посадил вертолет, Ковилл уже ждал, держа в руках одну из трех имевшихся в распоряжении Управления атомных бомб — продолговатый цилиндр, прикрепленный к парашюту. Ковилл приладил его в положенное место на вертолете и отошел.

— Летите к их треклятому вулкану, — резко сказал он. — Сбросьте бомбу в кратер. Эти чертовы головорезы надолго запомнят мой урок. В следующий раз я взорву их поселок.

Томм знал, как Ковилл не любит летать, поэтому ничуть не удивился поручению. Без лишних слов он взлетел, поднялся над Пенопланом и направился к Кукманкской гряде.

Гнев остыл. Гончары попали в ловушку собственных традиций, они не ведают, что такое зло. Распоряжение Ковилла теперь казалось Томму опрометчивым, вызванным самодурством, мстительностью и крайней спешкой. А если ми-туун еще живы? Не лучше ли попробовать договориться с гончарами и освободить пленников? Вместо того, чтобы зависнуть над вулканом, он пошел на посадку, приземлился в мрачной деревне и, захватив гамма-ружье, выпрыгнул на унылую каменистую площадь.

В этот раз Томму пришлось ждать не больше минуты. Вождь большими шагами поднимался по холму, полы бурнуса развевались, обнажая сильные ноги, на лице застыла недобрая улыбка.

— Значит, опять будете нагло изображать господ. Ну, хорошо — нам нужна костная известь, твоя подойдет в самый раз. Приготовь свою душу для Великой печи, и следующую жизнь ты обретешь в вечном сиянии совершенной глазури.

Томм испугался, но вместе с тем им овладело какое-то отчаянное безрассудство. Он тронул ружье.

— Я убью кучу гончаров и вас первым, — произнес Томм чужим для собственных ушей голосом. — Я пришел за четверыми ми-туун, которых вы увели из Пеноплана. Набеги нужно прекратить. Вы, кажется, не понимаете, что мы можем вас наказать.

Вождь сложил руки за спиной, слова

Томма, по всей видимости, не произвели на него никакого впечатления.

— Вы летаете, как птицы, но птицы мало что могут, только гадить на тех, кто внизу.

Томм вытащил ружье из чехла, прицелился в возвышавшийся в четверти мили от них валун.

— Смотри на эту скалу, — и разрывная пуля превратила гранит в осколки.

Вождь отпрянул назад, брови у него поднялись.

— По правде говоря, ты кусаешься больнее, чем я думал. Но..., — он показал на сомкнувшееся вокруг Томма кольцо гончаров, — мы убьем тебя прежде, чем ты успеешь как следует нашкодить. Мы, гончары, не боимся смерти, ибо смерть есть погружение в вечное созерцание из-под слоя стекла.

— Послушайте, — Томм настаивал. — Я пришел не за тем, чтобы угрожать, я хочу заключить с вами сделку. Мой начальник Ковилл приказал разрушить гору, взорвать пещеры, и я могу это сделать так же легко, как я разрушил скалу. — Гончары глухо заворчали. — Если вы причините мне зло, будьте уверены, вам это с рук не сойдет. Но я уже сказал, что пришел сюда против воли моего начальника и хочу заключить с вами сделку.

— Какую сделку ты можешь нам предложить? — презрительно спросил вождь. — Нас не интересует ничего, кроме нашего ремесла, — он подал знак, и не успел Томм и глазом моргнуть, как его схватили два дюжих гончара и выбили из рук ружье.

— Я могу открыть вам секрет настоящей желтой глазури, — в отчаянии крикнул Томм, — чистой, яркой, сверкающей желтой глазури, которая выдержит жар вашей печи!

— Пустые слова, — ответил вождь.

И с издевкой спросил:

— А что ты хочешь за эту тайну?

— Отпустите четверых ми-туун, которых вы только что похитили из Пеноплана, и дайте слово впредь никогда не похищать людей.

Вождь внимательно выслушал, немного подумал.

— Как тогда мы будем готовить глазурь? — он говорил терпеливо, как будто объясняя ребенку общеизвестную истину. — Костная известь — одна из самых необходимых составляющих.

— Ковилл вам уже сказал, что мы можем предоставить неограниченное количество извести с любыми свойствами,

какими пожелаете. На Земле тысячи лет занимаются гончарным делом, и мы знаем в нем толк.

Вождь вскинул голову.

— Это явная ложь. Смотри, — он пихнул ногой гамма-ружье Томма, — в этой штуке тусклый непрозрачный металл. Люди, владеющие глиной и светящимся стеклом, никогда не будут пользоваться таким материалом.

— Может быть, вы разрешите мне доказать, — предложил Томм. — Если я покажу вам, как делать желтую глазурь, вы заключите со мной сделку?

С минуту вождь испытующе смотрел на Томма. Потом с неохотой проговорил:

— Какой оттенок желтого ты можешь приготовить?

Томм криво улыбнулся.

— Я не гончар и не могу сказать наверняка, но я знаю химическую формулу, которая позволяет получить любой оттенок, от лучистого светло-желтого до ярко-оранжевого.

Вождь махнул рукой.

— Освободите его. Мы заставим его признать свое вранье.

Томм потянулся, расслабил мышцы, побывавшие в цепких руках гончаров. Нагнулся, поднял с земли гамма-ружье и под насмешливым взглядом вождя вложил его в чехол.

— Сделка такая, — сказал Томм, — я показываю вам, как готовить желтую глазурь и ручаюсь, что обеспечу в нужном количестве поставку извести. Вы отдаете мне ми-туун и клянетесь никогда не похищать в Пеноплане живых мужчин и женщин.

— Основное условие — желтая глазурь, — напомнил вождь. — Грязновато-желтую мы можем сами приготовить. Если у тебя получится чистый желтый цвет и он устоит в огне, тогда я согласен. Если нет, мы будем считать тебя обманщиком, и душа твоя поселится навеки в ничтожнейшем из сосудов.

Томм подошел к вертолету, снял прикрепленную к раме атомную бомбу, бросил на землю парашют. Ввалил на плечо длинный цилиндр и сказал:

— Ведите меня в гончарню. Я посмотрю, что можно сделать.

Не говоря ни слова, вождь повел его вниз по склону к длинному сараю, и они вошли в каменный проем в форме арки. Справа стояли ящики с глиной, у стены выстроились в ряд двадцать-тридцать гончарных кругов, посередине высились полки с еще не просохшими изделиями. Слева помещались кадки, еще были полки

и столы. Из дверей доносился резкий, скрежещущий звук, очевидно, работала мельница. Вождь повел Томма налево, мимо столов для приготовления глазури, в самый конец сарая. Здесь были полки, уставленные разнообразными черепками, бочонками и мешками, помеченными непонятными Томму значками. В соседнем помещении Томм разглядел ми-туун. С удрученным покорным видом они сидели на скамье; их как будто никто не сторожил. Девушка подняла голову, увидела Томма, раскрыла рот от удивления. Она вскочила и в нерешительности остановилась в дверях, испугавшись сурового лица вождя.

Томм сказал:

— Ты свободна, нам немножко повезло.— Потом повернулся к вождю.— Какие у вас есть кислоты?

Вождь показал на ряд керамических бутылей.

— Соляная, уксусная, плавикового шпата, из селитры, серная.

Томм кивнул, положил бомбу на стол, осторожно разобрал ее. Вытащив кусочек урана, он аккуратно разрезал обломок металла перочинным ножом на пять частей, разложил по фарфоровым тиглям и в каждый налил разную кислоту. В тиглях забурили пузырьки газа.

Вождь наблюдал, скрестив руки на груди.

— Что ты хочешь сделать?

Томм отодвинулся и стал смотреть на кипящие тигли.

— Я хочу получить урановую соль. Дайте мне соду и щелок.

Наконец в одном из тиглей выпал осадок желтый порошок, Томм схватил тигель и с торжествующим видом стал промывать порошок.

— Теперь несите простую глазурь.

Он налил глазурь в шесть лотков и добавил в них разное количество желтой соли. Сгорбившись от усталости, отошел назад и сделал знак рукой.

— Готово. Теперь испытайте ее.

Вождь отдал приказ, к ним подошел гончар с заваленным черепками подносом. Вождь приблизился к столу, нацарапал номер на первом лотке, окунул черепок в глазурь и пронумеровал его. То же самое он проделал со всеми остальными образцами. Один из гончаров загрузил черепки в небольшой духовой шкаф, прикрыл заслонку и разжег внизу огонь.

— Теперь,— сказал вождь,— в твоём распоряжении двадцать часов, за это время печь принесет тебе жизнь или смерть. Можешь провести его в компании

своих друзей. Ты не уйдешь, мы будем хорошо тебя охранять.

Он резко повернулся и быстро пошел к выходу.

Томм направился в соседнюю комнату, где в дверях стояла Су-зен. Она радостно, естественным движением прильнула к нему. Время шло. В печи гудел огонь, кирпичи раскалились докрасна, потом пожелтели, потом раскалились добела, и потом огонь постепенно потух. Теперь черепки остывали, цвет уже установился, и Томм еле сдерживался, чтобы не вытащить кирпичи, служившие заслонкой. Стало темно; он задремал, но то и дело просыпался, Су-зен, прикорнула у него на плече.

Звук тяжелых шагов заставил его подняться и подойти к двери. Вождь отодвигал кирпичи. Томм приблизился и стал пристально смотреть. Внутри ничего не было видно, только белыми боками поблескивали черепки и сверху на них мерцало цветное стекло. Вождь достал из печи первый черепок. Наверху засохло грязное горчичного цвета пятно. Томм судорожно глотнул. Вождь ехидно улыбнулся. Вытащил другой черепок. Кучка коричневых пузырей. Вождь снова улыбнулся и извлек третий образец. Серая клякса. Вождь улыбнулся во весь рот.

— Ну, господин, твои глазури хуже первых попыток наших детей.

Он снова полез в печь. Ослепительный солнечный луч, казалось, озарил комнату. У вождя перехватило дыхание, гончары подались вперед, а Томм оперся о стену, чтобы не упасть.

— Желтая...

* * *

Когда Томм наконец вернулся в Управление, Ковилл метал громы и молнии.

— Где вы околачивались? Я послал вас по делу, которое занимает не больше двух часов, а вы пропали на два дня.

Томм сказал:

— Я отбил четверых ми-туун и заключил соглашение с гончарами. Набегам конец.

У Ковилла отвисла челюсть:

— Что?

Томм повторил.

— Вы не выполнили мое указание?

— Нет,— ответил Томм.— У меня возникла другая идея, и она оказалась лучше.

Глаза Ковилла превратились в тяжелые, горящие голубым пламенем угли.

— Томм, вы уволены, вы уволены из Управления межпланетных дел. Если человеку нельзя доверить выполнить приказ, грош ему цена как работнику. Соби-

райте вещи, следующей пассажирской ракетой вылетите на Землю.

— Как скажете,— проговорил Томм и повернулся, чтобы уйти.

— Сегодня ваш рабочий день до четырех часов,— холодно произнес Ковилл.— До этого времени вы обязаны мне подчиняться. Поставьте вертолет в ангар и положите бомбу на место.

— Бомбы больше нет,— сказал Томм.— Я отдал уран гончарам. Это было одно из условий соглашения.

— Что? — прорычал Ковилл, и глаза у него полезли на лоб.— Что?

— Вы слышали, что я сказал,— ответил Томм.— И если вы думаете, что было бы лучше взорвать все, что составляет для этих людей смысл жизни, вы сумасшедший.

— Томм, садитесь в вертолет, летите к ним и отберите бомбу. Без нее не возвращайтесь. Чертов проклятый недоумок, да с этим ураном они весь Пеноплан разнесут.

— Если вам нужен уран,— заявил Томм,— идите и возьмите его. Я уволен, я здесь не работаю.

Ковилл пялился на Томма и от ярости раздувался, как жаба. Слова застревали у него во рту. Томм сказал:

— На вашем месте я бы не будил лиха. Я думаю, пытаться забрать у них уран — дело опасное.

Ковилл повернулся, пристегнул к поясу пару гамма-ружей и гордо вышел. Томм услышал шум винта вертолета.

— Вот идет храбрец,— пробормотал про себя Томм.— Вот идет болван.

* * *

Прошло три недели. Су-зен взволнованным голосом объявила, что пришли гости, Томм выглянул и остолбенел: перед ним стоял вождь и за ним еще два гончара — суровые, грозные, в мрачных серых бурнусах. Томм вежливо поздоровался, предложил им сесть, но они не захотели.

— Я пришел в город,— начал вождь,— узнать, остается ли наше соглашение в силе.

— С моей стороны ничего не изменилось,— ответил Томм.

— Безумный человек пришел в поселок гончаров,— продолжал вождь.— Он сказал, что ты превысил полномочия, что наше соглашение незаконно и что он не позволит гончарам держать у себя тяжелый металл, который придает глазури цвет вечерней зари.

Томм спросил:

— Ну, а потом что?

— Потом началось кровопролитие,— быстро проговорил вождь.— Он убил шестерых отличных гончаров. Но это неважно. Я хотел узнать, действительно ли наше соглашение.

— Да,— сказал Томм.— Оно скреплено моим словом и словом моего главного начальника на Земле. Я разговаривал с ним, и он одобрил соглашение.

Вождь кивнул.

— В таком случае я принес тебе подарок.— Он махнул рукой, и один из гончаров поставил на стол Томма большую вазу, сияющую поразительным солнечным светом.— Безумный человек — счастливее, его душа вселилась в прекраснейшее стекло, которое когда-нибудь выходило из Великой печи.

Брови Томма поползли вверх.

— Вы хотите сказать, что кости Ковилла...

— Неистовая душа безумного человека придала сияние чудесной глазури. Он будет жить вовеки в завораживающем блеске...

Перевод с английского
Н. МАГНАТ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8 ЗА
1991 ГОД

По горизонтали: 7. «Брокгауз». 8. Казанова. 10. Аллегро. 11. Астеник. 12. Маньяни. 13. «Крест». 15. Бердан. 17. Малкин. 18. Тулья. 19. Ванты. 23. Аренда. 25. Амазон. 27. Нетто. 28. Изохора. 30. Карьера. 31. Рулетка. 32. Арманьяк. 33. Вендетта.

По вертикали: 1. «Крайслер». 2. Огранка. 3. Кунак. 4. Паром. 5. Саванна. 6. Автандил. 9. Лебедь. 13. Кальвин. 14. «Таманго». 16. «Наука». 17. Митра. 20. Крузейро. 21. Острец. 22. Сорренто. 24. Дворяне. 26. Моранди. 29. Армяк. 30. «Калев».

ВЫБОР

А. БЕСТЕР

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, почтенный сэр? Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался такими вещами как таблицы, средние величины и распределения, гомогенные группы и случайные отборы. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв прихватить энциклопедии, бестселлеры и результаты скачек; либо воображал себя в Золотом Веке совершенства далекого будущего.

Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ли пожертвовать одна чашка кофе, почтенная мисс? Для благословенная щедрость. Я признателен.

В понедельник Адьер ворвался в кабинет своего шефа, размахивая стопкой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!...

— О, черт,— отозвался Гранд,— Какие могут быть открытия во время войны?

— Я поднимал материалы Внутреннего Департамента... Вы знаете, что численность нашего населения увеличилась? На 3,0915 процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что... Должно быть, где-то вкралась ошибка,— пробормотал Гранд, листая бумаги.— Проверьте.

— Есть сэр,— затараторил Адьер, покидая кабинет.— Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы идеальный статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсут-

ствие связи между отношением «рождаемость — смертность» и ростом населения. Адьер предоставил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в Вашингтонском округе численность населения упала на 0,0029 %. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом Веке королевы Виктории, в котором он изумил и покори́л мир потоком романсов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр?! Я есть бедная личность, нуждающаяся в жалость.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 %! Так! Литл Рок — 1,1329. Сен-Луис — 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, происшедшего из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте останков Соединенных Штатов концентрические окружности, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти.— Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ,— велел Гранд, и Адьер удалился.

— *Можно ли уделить цена один кофе, дражайшая мадам? Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.*

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарльстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы: — Если б я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарльстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, к счастью, железнодорожное полотно. Он лечился весь путь: Бирмингем (бубонная чума), Мэмфис (отравленная вода), Литл Рок (карантин) и наконец Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в отеле Адьер направился в местный Статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, Центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское Бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков нет. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на кусочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая развалина со скрежетом затормозила, откры-

ла двери с большим трудом и выпустила одноногого мужчину с забинтованным обожженным лицом. Очевидно, это был состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслуживания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас и дал гудок. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда... абсолютно ниоткуда... появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин... они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они выглядели как туристы, с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из автобуса грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят,— проговорил Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя: — Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец: — Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе? Я инороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги, и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса на Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я проклят,— тяжело прохрипел Адьер.— Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонстона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Штат кишит шпионами.

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидает восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать пять тысяч в год. Возможно, это и есть ответ к тайне роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила: «Эврика. Я нашел».

Не можно потратить на одна одинокая чашка кофе, дорогая мадам? Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Случай представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Вовсе не обескураженные, они отошли, замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, потом повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и следовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не вошли в старый амбар.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на невзорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватила пара рук, к лицу прижали что-то мягкое...

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр. Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентельмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минутку, мистер Адьер, — вежливо сказал джентельмен и что-то сделал с радиоприемником. В центре комнаты над круглой медной плитой возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к сто-

лу, засмеялась и затараторила: — Вд-нитк-ик-лт-нк.

Джентельмен улыбнулся и указал на дверь. — Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски.

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Середина XV века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью: — Мууу, фууу, блууу, уауу, хаууу, пууу.

Джентельмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентельмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед, вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через пару минут исчезает.

— Что?! — вздохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да... Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и т. д. И никто не видел истинного его назначения... Терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю...

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О, господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи... Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с... э, скажем, с 2505 года.

— Но те, замедленные... Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, но первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентельмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно теряют контакт с реальностью. Знал я одного... его не устраивало ничто другое, как времена королевы Елизабеты. «Шекспир, — говорил он, — испанская армада. Дрейк и Ралли. Самый мужественный период истории. Золотой Век». Я не смог его образумить, и вот... Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки...

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются. Извините...

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, едва не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом: — Простите, мистер Джеллинг. Кто этот только что вышедший дженгельмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной... Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Подойдите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Теперь он был одет и двигался с нормальной скоростью. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами. Но потом вам надоедает наткаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про известные вам вещи. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше и не замечали.

— Это поверхностный подход, — сказал Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств... Или наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастливым. Я...

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великий обман. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-э! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует.

Смертная казнь за сотни мелких проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас опасным радикалом сотню лет назад. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богатым; а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни... уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести... радио, например. Я бы сделал состояние на одном радио.

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготавливать вакуумные диоды, гетеродинные цепи и т. д. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток. Вам... — но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще не имеют представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я никогда не думал... А книги? Я мог бы запомнить...

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет доходной, если ее не будут покупать.

— А что если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер.

ер,— если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют,— ответил Джеллинг.— Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой Век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути... Половина попрошаек, которых вы видели, наверняка это лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда... думают, что попали в Золотой Век?!

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер.— Неужели они не видят: руины? радиация? война? истерия? Самое ужасное время в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову, когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом Веке.

— Будь я проклят,— проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете,— мрачно сказал он.— У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — нам надо хранить секрет.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не будет обращать на вас внимания. Вы будете иностранцем... чужаком.

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это может утешить, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец...

— Значит, вы отправите меня...

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер.— Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться,— нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усы-

пить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят... или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете... прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздевался медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю. Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена кроме нашего кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет... что день сегодняшний — плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно тратить цена одна чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность. Я есть изголодный японский странник оказался в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить визу. Я хочу в Хиросима, назад, в 1945. Я хочу домой.

Перевод с английского

СЛАДКИЙ МИТ СВИДАНИЯ

Легчик-космонавт СССР Юрий ГЛАЗКОВ

Броксу хотелось петь, прыгать до потолка, кричать на весь мир. Его переполняло имя Вайда. Словом, он готов был вести себя так, как все влюбленные на свете. Но... Брокс был человеком дисциплинированным, воспитанным в середине XXII века. Он помнил всегда и везде главное правило: меньше лишних движений — экономия кислорода везде и во всем!

Брокс с тоской посмотрел на счетчик и понял, что пригласить сегодня Вайду домой он не имеет возможности. На двоих кислорода явно не хватит. А срок замены квартирных баллонов только завтра.

Другое правило гласило, что без аварийных запасов кислорода приглашать в гости категорически запрещено! Правило соблюдалось неукоснительно, так как за ним стояла жизнь людей.

— Да, жаль, но ничего не поделаешь. В следующий раз запасусь кислородом. Буду экономить недели две. Зато сможем с Вайдой

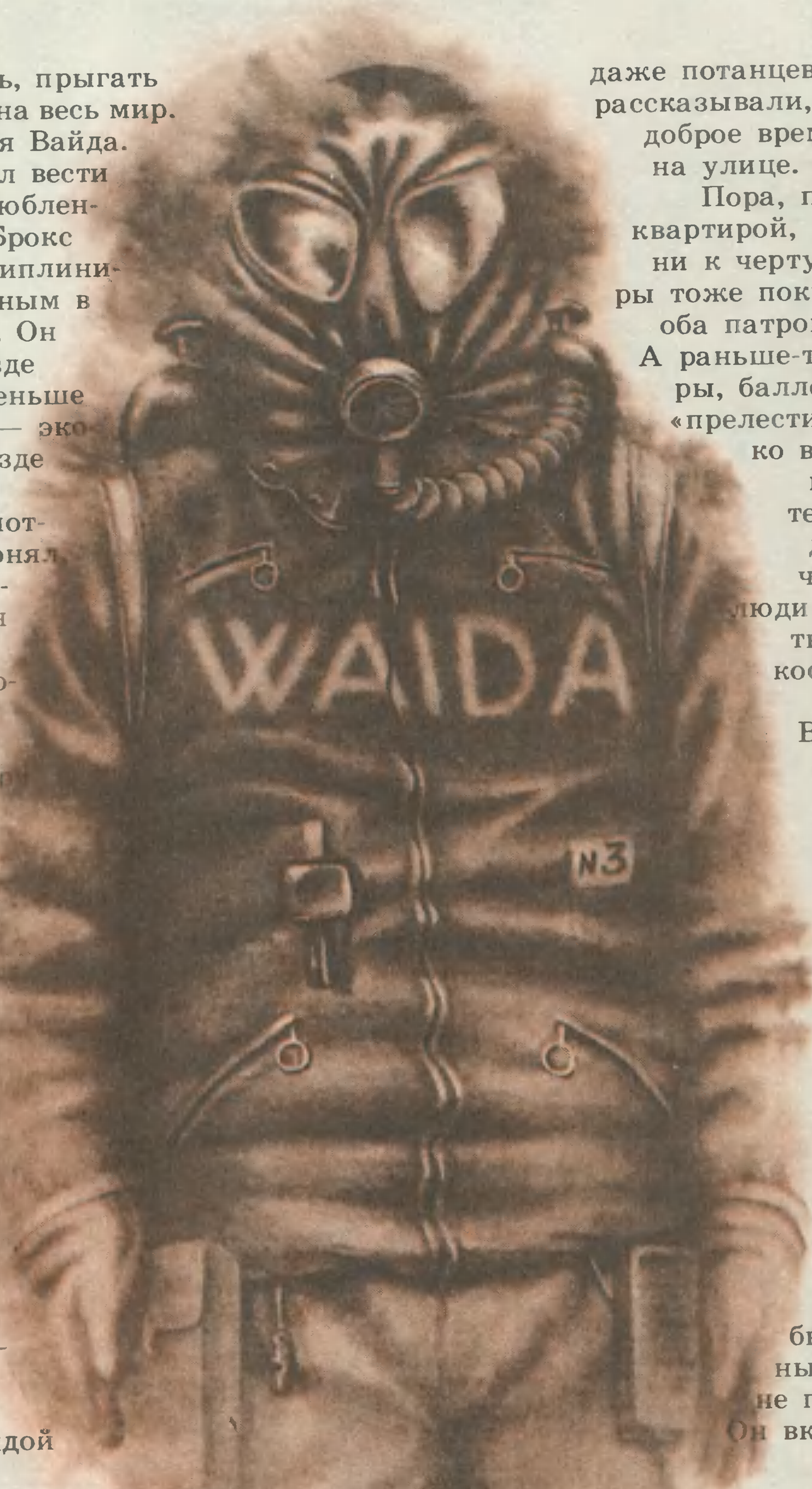
даже потанцевать. Старики рассказывали, что в старое доброе время танцевали на улице. Это же надо!

Пора, пора заняться квартирой, герметизация ни к черту. Регенераторы тоже покупать нужно, оба патрона на исходе. А раньше-то регенераторы, баллоны и прочие «прелести» были только в обиходе космонавтов. Вот тебе и подтвердилось пророчество, что все

люди — космонавты, а Земля — космический корабль. Ладно! Все бы ничего, если бы еще и не дожди, отвратительные ядовитые дожди. А на свидание идти надо, просто необходимо, иначе я умру и все тут...

Брокс размышлял, устроившись в кресле и замерев.

Дыхание его было еле заметным, тренировки не прошли даром. Он включил инфор-

матор и нажал клавишу «погода». Динамик с готовностью начал вещать.

— Сегодня, — монотонно растолковывал он, — над городом, в основном, будут идти кислые дожди. Наибольшая их вероятность — в районе ВС, где предполагается выпадение примесей ртути, серной кислоты и паров фреона средней концентрации. Для передвижения вне спецтранспорта в этом районе рекомендуется экипировка № 3 с запасом кислорода на десять часов. Любителям пеших прогулок разрешен маршрут № 15, с заправочными колонками через каждую тысячу метров. Напоминаем характерные симптомы ртутного и кислотного отравлений...

Брокс раздраженно ткнул клавишу выключения.

— Черт бы их побрал, этих наших предков. Сами в трусах и майках ходили, а сейчас, как водолаз, облачаешься в доспехи № 1, 2, 3... Идиоты! Как тут сэкономить кислород, если на тебе десяток килограммов всякой всячины! Угораздило же меня поселиться в этом районе ВС. А как уговаривали... Вруны поганые.

Распахнув дверцы шкафа, Брокс стал осматривать свой комплект № 3. Прорезиненные брюки с титановой нитью, такая же куртка, респиратор, противогаз, перчатки, подвесная система для респиратора, баллон для аварийного запаса кислорода, сигнальный фонарь, свисток, радиомаяк, аптечка. Комплект был потрепан, но еще мог послужить.

Облачаясь, Брокс с тоской понял, что ремонта действительно не избежать. Дверь, похожая на створки старинного сейфа, уже не обеспечивала нужной герметизации, заслонка воздуховода тоже, окна почти не пропускали и без того скудный свет — слой свинца и еще какой-то дряни намертво прикипел к стеклу, вентилятор регенератора гремел стершимися подшипниками.

— Да, Вайду сюда не приведешь — еще раз решил он, — и разрешения на женитьбу не дадут. Комиссия контроля не выдаст ордера на проживание второго лица.

Брокс натянул бахилы и противогаз, проверил заправку кислородного баллона и, приготовив перчатки, вышел из квартиры. Дверь за ним с лязгом захлопнулась и зачмокала никудышними герметизаторами. Казалось, квартира облегченно вздохнула, снимая с себя ответственность за жильца.

Спустившись на лифте, влюбленный вынырнул на улицу.

В воздухе висела сетка дождя. Брокс поправил респиратор, подтянул ремни баллона и устремился вперед. Редкие прохожие напоминали солдат после атомного удара. Их дрожащие силуэты еле-еле вычерчивал в туманной и грязной дымке мелкий дождь. Серые громадины зданий с глазницами окон, исковерканными катарактой, ставни и жалюзи, изъеденные оспинами, казались нереальными.

Брокс двигался по 25-ой авеню, некогда славившейся магазинами, кафе, музыкой ресторанов. Сейчас это была сплошная стена осыпающегося серого бетона. Брокс шел, не нарушая отработанного на тренировках ритма: оптимальная длина шага, оптимальная скорость, оптимальная глубина вдоха, оптимальная частота дыхания, оптимальная... Брокс шел и шел, сдерживая желание бежать к своей Вайде.

Вот уже и место встречи — Площадь Цветов. Но цветов здесь не было давным-давно. Цветы росли теперь лишь в оранжевых, вход туда стоил бешеных денег.

Влюбленные шли без цветов. Именно шли, а не летели, как прежде, на крыльях любви.

Посреди площади, заменяя клумбу, возвышался каменный цветок. Но и он был уже совсем не тот, что когда-то. Раньше разноцветный камень своими яркими красками напоминал о первозданной красоте земных цветов, а запахи, хранимые в баллонах под площадными плитами, дополняли иллюзию. Но шло время, и каменный цветок превратился в безликую глыбу, грязную и черно-зеленую от отвратительных наростов.

Брокс взглянул на площадь. Несколько фигур стояло в ожидании около каменной глыбы, ссутулив плечи. Брокс замедлил шаг, посмотрел на часы и успокоился. До мига свидания оставалось пять минут.

— Хоть это не изменилось, — подумал он, — девушки, как правило, и сейчас опаздывают.

Брокс опять посмотрел на ожидавших, представил себя среди них и спохватился:

— А как же она меня отличит от остальных? Я ведь такой же, как и все — неуклюжее, грязное существо с жабыми глазами.

Подошла еще одна фигура и в нерешительности остановилась поодаль, повернув к ним голову.

— Что же делать? Эдак я не узнаю Вайду, а она меня! Черт знает что тво-

рится на бывшем белом свете, — зло думал Брокс.

Но тут его осенило. Он начертил на своем влажно-грязном комплекте № 3: «Вайда». Имя блестело на груди чистыми линиями и привлекало внимание. Брокс поворачивался во все стороны, демонстрируя свою изобретательность и имя любимой. Только что подошедшая фигура качнулась в его сторону, а потом вдруг поспешно отвернулась. Брокс разочарованно вздохнул и стал вглядываться во мглу. Вайда не появлялась.

— Уже на две минуты опаздывает. Надо

девушкам менять привычки. Задержки теперь будут слишком дорого стоить, — думал он, стараясь не учащать дыхание.

Брокс еще раз взглянул на ожидающих и замер... только что отвернувшаяся от него фигура блистала надписью «Брокс + Вайда». Он бросился к девушке и прижался к ее комплекту № 3, грязному, мокрому, но приятному и дорогому. Вайда ответила тем же, и Брокс почувствовал ее сильные руки. Имена влюбленных стерлись и тут же стекли тонкими, черными струйками на то, что раньше люди называли землей.

ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ

ПОДРАЖАЯ ДЕДАЛУ И ПОМНЯ ОБ ИКАРЕ

Помните, как Дедалу удалось бежать из плена на острове Крит? Он смастерил крылья из дерева, перьев и воска, взобрался на крышу, взмахнул руками и...

Лавры легендарного мастера не давали покоя английскому инженеру Полу Маккреди, который в 1979 году построил ле-

тательный аппарат, приводимый в движение мускульной силой, и перелетел на нем через Ла-Манш (32 км). В наши дни группа энтузиастов из Массачусетского технологического института задумала построить аналогичный аппарат, способный за шесть часов пролететь около 100 км. В соответствии с проектом, размах крыльев аппарата, основным материалом которого является углеродистое волокно и полиэфирная пленка, составит 31 м, а его масса не превысит 32 кг. Особое внимание изобретатели обращают на безопасность полетов.

«Business Week»,
1986, № 2938

И ВСЕ СТАНУТ СТРОЙНЫМИ

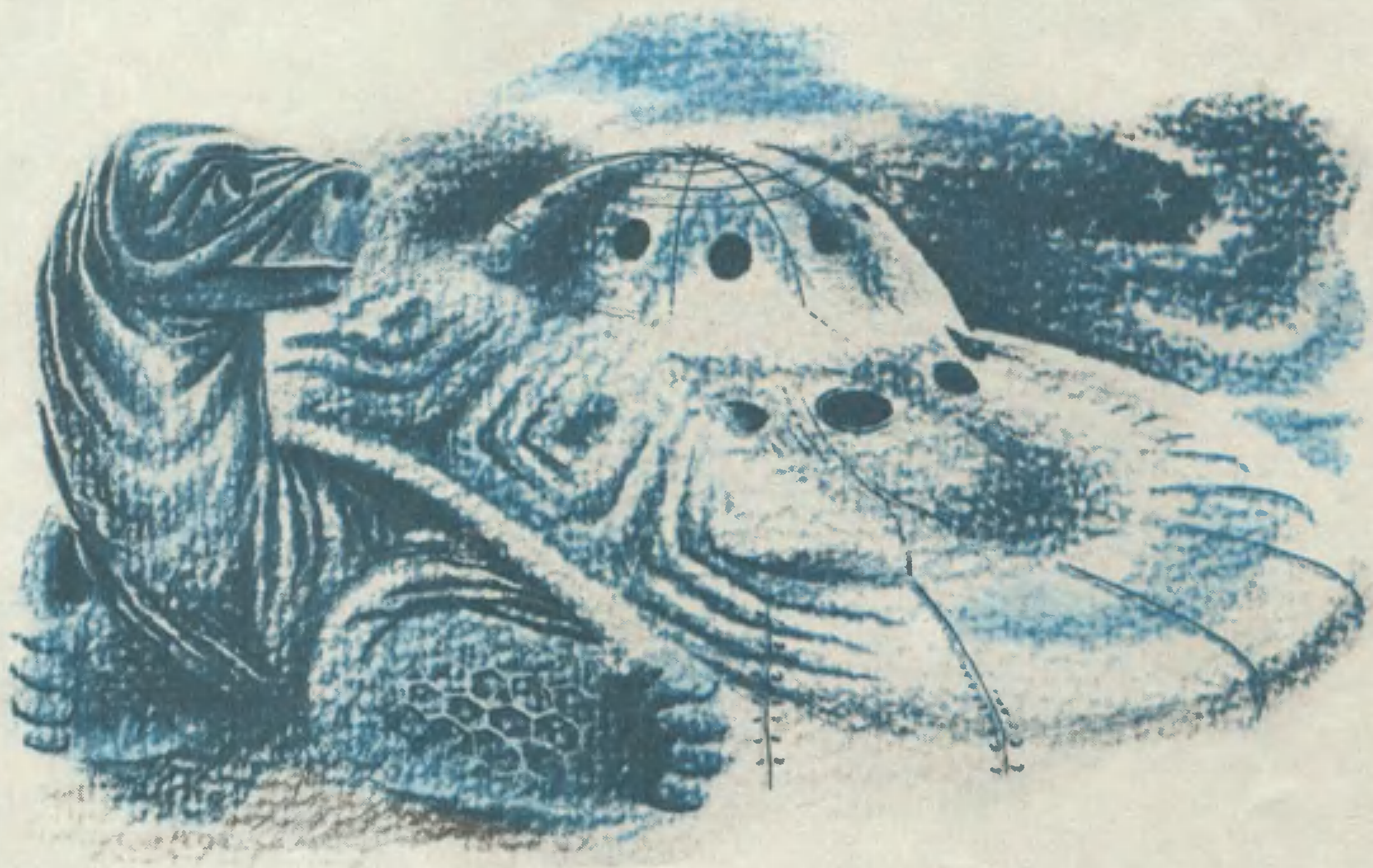
Как сделать мясо постным? Ученые и фермеры пробуют решить проблему разными способами, но до последнего времени все они использовали общий принцип: варьирование пищевого рациона животных, переход к низкокалорийным кормам.

Новый подход предлагают шотландские исследователи, пытающиеся выработать у животного аллергическую реакцию на собственные жировые клетки. У крысы берутся клетки жировой ткани и вводят-

Кто поможет Одинокому Джорджу?

Сергей ПАНАСЕНКО

Рисунки С. Стихина

«Общество Чарльза Дарвина» предложило десять тысяч долларов тому, кто, может быть, содержит в своем саду или частном зоопарке травоядное животное весом в сто килограммов, имеющее туловище два метра в обхвате: самку черепах-пинта. Она необходима срочно, потому что на Галапагосских островах есть единственный экземпляр этого вида гигантских черепах — самец. Со смертью «Одинокого Джорджа», как его здесь называют, род черепах-пинта прекратит свое существование...»

...— А сейчас силами коллектива актеров нашего самодеятельного театра вам будет показан спектакль «Волки и овцы»!

Сунув газету в карман, я скользнул, пригнувшись, вдоль пустого ряда, и распрямился только в фойе.

Со стороны буфета веяло влажным пивным духом, слышались громкие голоса. Седой гардеробщик молча выложил на барьер мое пальто, прихлопнул сверху шапкой и так же молча вернулся на свой стул в углу. Я быстро оделся и выскочил на улицу.

Кажется, меня никто из наших не заметил, так что завтра на вопрос Зинаиды Валентиновны я смело смогу ответить: «Очень понравилось»!.

Виной всему была моя слабохарактерность. Я не мог отказать, когда меня уговаривали написать заметку в стенгазету,

когда собирали деньги на охрану памятников старины или когда убедительно просили быть на торжественном вечере, посвященном сорокалетию нашего института. Хорошо еще, что удалось улизнуть...

На остановке не было ни души. Кое-как спрятавшись от мокрого осеннего ветра в неуютной стеклянной будке, я приготовился к долгому ожиданию. Но не прошло и минуты, как из-за поворота вывернул автобус и распахнул передо мной дверь.

Я устроился на любимом месте, справа на колесе, у окна, и задумался...

Почему-то вспомнилась газетная заметка, прочитанная во время торжественной части. Мне представился этот Одинокий Джордж: огромная глыба, щербатый по краям панцирь, наверно, обросший мхом. Из-под него на толстой морщинистой шее выглядывает голова с маленькими, мудрыми и грустными глазами. Он лежит неподвижно, как остров, слушает шум прибоя — и ждет... Вокруг с утра до вечера суетятся люди; он вдвое, а то и втрое старше самого пожилого из них. А люди смешны и трогательны, они заботятся о нем, таскают ему свежую траву, следят за здоровьем, но, право, лучше бы оставили его в покое. Что толку во всей этой беготне, если его род, один из древнейших на Земле, пресечется на нем? Иногда над островом разносится рев идущего на посадку самолета, и тогда у Одинокого Джорджа вспыхивает надежда, но с каждым разом она все слабей и слабей. Ему очень тоскливо. И по ночам, когда его никто не слышит, он тихонько напевает себе под нос старинные черепашии песни, такие же бесконечные, как океан, на берегу которого они сложены...

От таких мыслей мне сделалось не по себе. Захотелось немедленно куда-то бежать, что-то сделать для бедняги Джорджа, может, просто выйти на площадь и завопить «Караул!». Я вздохнул. Ладно, чего там... Впереди суббота и воскресенье, надо встряхнуться, сходить с Любой в кино, что ли...

За окном была тьма-тьмушая, словно на автобус, как на клетку с попугайчиками, набросили черную тряпку. Заслонив кусочек стекла ладонью, попытался разглядеть, где мы едем, — и ничего не увидел. Я обернулся. Странно: я мог бы поклясться, что когда садился, в автобусе не было ни души, а сейчас он полон людей, хотя я твердо помнил, что мы ни разу не останавливались. Или я задремал?

Я хотел было спросить у шофера, где мы находимся, но опережая меня, один из сидевших впереди людей произнес:

— От имени обитателей планеты Сиар приветствую вас на борту нашего корабля!

В первую секунду я не почувствовал ничего, кроме удивления. Потом стало страшно.

— Остановите автобус! — закричал я и попытался протиснуться к выходу. Но чья-то рука мягко удержала меня и усадила обратно на сиденье.

— Вы напрасно нас боитесь! — сказал незнакомец. — У нас мирные намерения. Взгляните!

Я послушно повернул голову. Стены справа, как не бывало, и прямо подо мной, наклонившись под каким-то страшным углом, медленно поворачивалась мешанина из разноцветных огней: сверкал город, по которому я только что спокойно ехал. Мне стало дурно: в ушах запищало, картина распалась на мелкие точки и исчезла, смытая чернотой...

Лишь звезды сверкнут на ночном небосклоне

И город усталый задремлет так сладко,
Межзвездный корабль у меня на балконе

В лихом вираже совершает посадку.

Из блюдца грустный пришелец выходит
И, свесивши ноги, садится над краем.
О том и о сем, о делах и погоде
Мы с ним, не спеша, по душам телепаем.

Ведь им, гуманоидам, тоже не сахар:
За сотни галактик от жен и детишек
Быть вечным источником сплетен
и страха,
Объектом затрепанным фильмов
и книжек.

Им хочется ласки, им хочется Фета,
А их облучают рентгеном и стронцием...
И я достаю для него из буфета
Варенья вишневого новую порцию.

Но требует база его возвращения —
У них с дисциплиной такие же строгости, —

Встает с неохотой и просит прощения,
Клянется, что вновь навестит меня
вскорости.

Срывается блюдце в дыру законную,
А я — на диване, растерян и жалок.

И чудится, будто гуляет по комнате Откуда-то взявшийся запах фиалок.

Я открыл глаза. Надо мной наклонился человек. На левой щеке у него была родинка.

— Как вы себя чувствуете?

Я попытался улыбнуться:

— Так себе...

— Можете ли вы меня выслушать?

— Говорите...

Человек помолчал и спросил серьезно:

— Кто вы по профессии?

— Инженер... — произнес я нетвердо.

— Хорошо, — сказал человек. — Это упрощает разговор. Слушайте меня внимательно. Мы давно наблюдаем за вашей планетой...

Я вспомнил размноженные на ксероксе лекции о каких-то тexasских фермерах и западногерманских бизнесменах, уверявших, что они побывали на летающих тарелках.

— Нам, — сказал сиарец, — необходимо было провести измерения параметров человеческого организма. Мы вам благодарны за помощь. Может быть, вы хотите что-нибудь у нас просить?

Я замаялся. Наверное, это было глупо, но я знал, что не простил бы себе никогда, если бы не задал этот вопрос:

— Скажите, это вот... — я показал на его невзрачный магазинный костюм, потом на его лицо. — Это и есть ваш настоящий вид? Вы что, так на нас похожи?

Он покачал головой.

— Нет. Наш подлинный вид не может быть представлен в ваших понятиях и формах. Это обычная маскировка.

Он замолчал, ожидая новых вопросов, но мне расхотелось спрашивать. Поняв, что я говорить не собираюсь, человек громко повторил:

— Мы благодарим вас за оказанную помощь! По нашим правилам, вы можете просить чтобы мы исполнили любое ваше желание. Только торопитесь!

Я растерялся. В голове в беспорядке заскакали, завертелись богатство, карьера, квартира, машина, еще какая-то белиберда... Стыдно было обращаться с такой глупостью. Как-никак, в этот момент я представлял все человечество. Не имею понятия, о чем просили мои предшественники, но мне не хотелось разминиваться на ерунду. И тут меня осенило.

— Найдите самку!

— Что?

Я подал газету. Пришелец развернул ее, прочитал заметку, в которую я ткнул пальцем.

— Вы просите...

— Ага, — кивнул я. — Отыщите пару Одинокому Джорджу!

Он издал какие-то звуки. Один из его спутников поднялся и скрылся в шоферской кабине. Через минуту он вынырнул оттуда и что-то мяукнул. Говоривший со мной покачал головой:

— Сожалею, но на Земле нет ни одной указанной вами женской особи. Мы не в состоянии вам помочь. Но так как просьба была отклонена, вы можете просить нас еще.

Я глянул в окно. Та же темень...

— Не надо мне ничего.

— Ничего? — переспросил человек.

— Ничего. Домой меня отвезите...

Что-то грохнуло, словно автобус налетел на ухаб, от сильного толчка я повалился на сиденье. Из репродуктора раздалось:

— Приехали, конечная!

Тараща глаза и шатаясь, я вышел из автобуса. Никакого сомнения: это моя остановка. Вот булочная, там — школа светится, а за той вон башней — мой дом... Автобус взревел, готовясь отъезжать...

— Эй!!! — закричал я и забарабанил ладонью по грязному борту. — Стой! Подожди!!!

Из окошка вынырнула перепуганная физиономия шофера:

— Ты что?

— Послушайте, — подбежал я к нему: — А нельзя ли ее сделать?

— К-кого? — оторопел шофер.

— Ну, эту, самку...

Секунду шофер смотрел на меня молча.

— Чего-о?! — закричал он страшным голосом. — Какую тебе еще самку?! Да я тебя!...

Не дожидаясь продолжения, я прыгнул в черноту микрорайона.

Проверяя у дочери арифметику, читая на сон грядущий, я все время мучал себя: что же такое со мной стряслось? Задремал ли я, разморенный торжественной частью и автобусным теплом, и весь этот бред мне пригрезился, или же все это было наяву? У меня хватило ума не рассказывать об этом случае никому, даже Любе. Проворочавшись в постели без сна час или полтора, я махнул сразу две таблетки димедрола, накрылся с головой одеялом и наконец-то почувствовал, что засыпаю.

ДОМИК НА ПЕРЕПУТЬЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ

Позже Олфайри понял, что ради жизни надо отдать жизнь. Но тогда он больше думал о том, как остаться в живых.

Олфайри был l'uomo dal fuoco in bocca — человек с огнем во рту. Рак жег ему горло. Говорил он с помощью механического имитатора, однако опухоль грозила прокрасться в мозг, еще немного и Франко Олфайри перестал бы существовать. Поэтому он обратился к помощи Провала.

У него были деньги. Именно они позволили ему войти в дверь, соединяющую миры. Те, кто управлял Провалом, ничего не делали из альтруистических побуждений. Каждый раз на то, чтобы открыть Провал, уходило столько энергии, сколько хватило бы на год довольно большому городу. Но цена не смущала Олфайри. Деньги вряд ли понадобятся ему, если существа на другом конце Провала не справятся с болезнью.

— Стань на эту пластину, — буркнул механик. — Поставь ноги вдоль красной полосы. Держись за поручень. Вот так. Теперь жди.

Олфайри повиновался. Давно уже к нему не обращались в повелительном наклонении, но он простил механику резкость тона. Для него Олфайри представлял собой кусок дорогого мяса, в котором уже завелись черви. Франко взгляделся в зеркальный блеск остроносых черных туфель и терпеливо ждал, крепко сжимая ворсистый чехол поручня, приходя энергетической волны.

Олфайри представлял, что должно произойти. Он давно оставил инженерную деятельность, чтобы основать промышленную империю, раскинувшуюся от Альп

до голубого Средиземноморья, но продолжал интересоваться достижениями науки и техники и гордился тем, что, придя на завод, мог подойти к любому станку и сказать, что делает рабочий.

Франко знал: энергетическая волна на мгновение создаст особое состояние, которое называется сингулярным. В естественном виде оно встречается лишь вблизи звезд в последние мгновения их жизни. Коллапсирующая звезда, бывшая сверхновая, создает вокруг себя искривление пространства, тоннель в никуда, черную дыру. Сжимаясь, звезда приближается к сфере Шварцшильда, по достижении которой черная дыра поглощает ее. На подходе к критическому диаметру время для умирающей звезды течет гораздо медленней, но зато ускоряется до бесконечности, когда звезда поймана и заглатывается черной дырой. А если там находится человек? Гравитационные силы невообразимой величины сминают его, он превращается в точку с нулевым объемом и бесконечной плотностью, а затем выбрасывается неизвестно куда.

В этой лаборатории не было умирающих звезд. Но за соответствующую цену тут могли смоделировать нечто подобное. Деньги Олфайри оплачивали искривление пространства и создание крошечного тоннеля, достаточного для того, чтобы протолкнуть его туда, где сходятся сопряженные пространства и можно найти лекарство от неизлечимых болезней.

Олфайри ждал, подтянутый, энергичный мужчина лет пятидесяти, с редкими волосами, в твидовом костюме, серо-зеленом галстуке, с маленьким сапфировым кольцом на пальце. Он не почувствовал, как пришла волна. Пространство раскрылось, и Франко Олфайри исчез в зияющем водовороте.

— Это пересадочная станция, — сказал гуманоид. Олфайри огляделся. Внешне ничего не изменилось. Он стоял на такой же пластине, держась за ворсистый поручень.

Выражение лица гуманоида ничего не говорило Франко. Щелочка рта внизу, две щелочки глаз повыше, никаких следов носа, лишь зеленоватая гладкая кожа, мощная шея, переходящая в треугольное, без плеч тело, веревкообразные конечности.

— Меня зовут Вуор, — проскрипел гуманоид.

Олфайри приходилось иметь дело с инопланетными существами, и вид Вуора не испугал его, хотя Франко и не прихо-

дилось встречаться с представителями именно этой цивилизации.

Тело Олфайри покрывал пот. Языки пламени резали горло. Боль нарастала и нарастала.

— Как скоро я смогу получить помощь? — спросил он.

— Что с вами?

— Рак горла. Вы слышите мой голос? Это машина. Гортани уже нет. Опухоль ест меня заживо.

Глаза-щелочки на мгновение закрылись. Шупальца переплелись. Этот жест мог означать симпатию, презрение, отказ. Пронзительный резкий голос Вуора ответил на вполне сносном итальянском.

— Вам известно, что тут мы вам ничем не поможем? У нас всего лишь пересадочная станция. Мы определяем, что кому нужно, и отсылаем дальше.

— Знаю. Знаю. Вот и отправьте меня туда, где лечат рак. Мне отпущено не так уж много времени. Я страдаю и еще не готов умереть. На Земле у меня полно работы.

— Что вы делаете, Франко Олфайри?

— Разве мое досье не прибыло?

— Оно у нас. Расскажите мне о себе.

Олфайри пожал плечами. Он отпустил поручень, с сожалением подумав о том, что Вуор не предложил ему сесть.

— Я руковожу промышленной компанией, вернее компанией, владеющей контрольными пакетами акций других компаний. Олфайри Эс. Эй. Мы делаем все. Строим энергосистемы, утилизируем отходы производства, создаем роботов. Занимаемся преобразованием обширных территорий. В наших производственных отделениях работают сотни тысяч людей. Мы не просто компания, которая делает деньги. Мы... — Олфайри замолчал, осознав, что говорит как сотрудник рекламного отдела, хотя речь шла о его жизни. — Это большая, важная, приносящая пользу компания. Я основал ее.

— И вы очень богаты. А поэтому хотите, чтобы мы продлили вашу жизнь? Вам известно, что нам всем вынесен смертный приговор. Для одних он приводится в исполнение раньше, для других — позже. Хирурги Провала не могут спасти всех. Число страждущих, что взывают о помощи, бесконечно, Олфайри. Скажите мне, почему спасать надо именно вас.

Олфайри охватил гнев. Но он не дал воли эмоциям.

— Я — человеческое существо, у меня жена и дети. Недостаточно убедитель-

ная причина, а? Я так богат, что могу заплатить за лечение любую цену. Не важно? Разумеется, нет. Хорошо, давайте так. Я — гений. Как Леонардо. Как Эйнштейн. Вам знакомы эти имена? Отлично. Я такой же гений. Я не рисую, не занимаюсь наукой. Я планирую. Я организую. Я создал величайшую корпорацию Европы. Я соединял компании, и вместе они делали то, о чем поодиночке даже не мечтали.

Олфайри взгляделся в зеленую маску инопланетянина за прозрачной стеной. Технология, впервые позволившая Земле войти в Провал, разработана моей компанией. Энергетические установки — мои. Я построил их. Я не хваюсь. Я говорю правду.

— Вы говорите, что заработали на этом много денег.

— Нет, черт побери! Я говорю, что создал то, чего не существовало раньше, нечто полезное, важное не только для Земли, но и для других миров, встречающихся здесь. И мой созидательный заряд не иссяк. У меня есть новые идеи. Мне нужно еще десять лет, а у меня не осталось и десяти месяцев. Можете вы взять на себя ответственность, обрекая меня на смерть? Можете вы позволить выбросить все, что еще есть во мне? Можете?

Звук его механического голоса стих. Олфайри оперся о поручень. Маленькие золотистые глаза в узких щелочках бесстрастно рассматривали его.

— Скоро мы объявим вам наше решение, — после долгого молчания сказал Вуор.

Стены лаборатории потемнели. Олфайри мерил шагами маленькую комнату. Предчувствие поражения отдавало горечью, но почему-то он не злился на то, что проиграл. Волнения остались позади. Они позволяют ему умереть. Они скажут, что он выполнил свой долг, создал компанию. Все это очень прискорбно, но они должны учитывать нужды более молодых, мечты которых еще не воплотились в реальность.

Ожидая смертного приговора, Олфайри думал о том, как проведет последние месяцы жизни. Естественно, он будет работать до самого конца. Сначала проект теплоснабжения Шпицбергена, да, это первоочередная задача, а потом...

Стены вновь стали прозрачными. Вуор вернулся.

— Олфайри, мы направляем вас на Хиннеранг, где вам удалят опухоль и восстановят поврежденные ткани. Но за это придется заплатить.

— Сколь угодно! Триллион лир!

— Не деньгами, — ответил Вуор. — Работой. Пусть ваша гениальность послужит нам на пользу.

— Скажите мне, как!

— Вам известно, что сотрудниками Пересадочной станции являются представители различных цивилизаций. В настоящее время среди нас нет землянина. Скоро на станции появится вакансия. Заполните ее. Проявите здесь ваш организаторский талант. Проведите среди нас пять лет. Потом вы сможете вернуться домой.

Олфайри задумался. Ему не хотелось терять целых пять лет. Слишком многое связывало его с Землей и, останься он на Пересадочной станции, кто взял бы на себя бразды правления его компаниями?

Тут Олфайри осознал абсурдность своих мыслей. Вуор предлагал ему двадцать, тридцать, пятьдесят лет жизни. Стоя на краю могилы, он не имел права цепляться за пять лет, которые требовали его благодетели. Обращаясь с просьбой продлить ему жизнь, Олфайри поставил во главу угла свои уникальные административные способности. Что удивительного в том, что на Пересадочной станции захотели воспользоваться ими?

— Согласен, — кивнул Олфайри.

Бесконечное число миров встречалось в Провале, как и в любой точке пространства-времени. Однако, только Провал позволял осуществить переход из одного мира в другой, благодаря имеющимся там механизмам. Паутина тоннелей мгновенного перемещения пронизывала структуру пространства. А Пересадочная станция являлась ее центром. Тот, кому удавалось убедить диспетчеров в том, что он имеет право на транспортицию, оказывался на нужной ему планете.

Бесконечность есть бесконечность. Тоннели могли утолить любую потребность. Но для практических целей лишь две — три дюжины планет представляли какой-либо интерес, так как их связывали общие цели и пути развития.

На одной из них умелые хирурги могли излечить пораженное раком горло. Со временем методику операции передали бы на Землю в обмен на что-то не менее ценное, но Олфайри не мог

ждать. Он заплатил назначенную цену, и диспетчеры Пересадочной станции отправили его на Хиннеранг.

И снова Олфайри не почувствовал, как черная дыра поглотила его. Он любил новые впечатления, и ему казалось несправедливым, что человека сжимают до нулевого объема и бесконечной плотности, а потом не остается никаких ощущений. Но изменить он ничего не мог. Вновь для Олфайри создали умирающую звезду, и тоннель черной дыры вынес его в лабораторию на Хиннеранге.

Там по крайней мере Олфайри видел, что находится на другой планете. Красноватый оттенок солнечного света, четыре луны в ночном небе, сила тяжести в два раза меньше, чем на Земле. Казалось, он может подпрыгнуть и сорвать с неба один из четырех плывущих по нему бриллиантов.

Хиннерангийцы, невысокие угловатые существа, с красновато-коричневой кожей и волоконоподобными пальцами, раздваивающимися в каждом сочленении так, что на конце образовывался пушистый венчик извивающихся нитей, говорили низким шепотом, а их слова напоминали Олфайри язык басков. Однако маленькие приборчики мгновенно переводили непонятные звуко сочетания на язык Данте. Переводные устройства произвели на Олфайри гораздо большее впечатление, чем сам Провал.

— Сначала мы избавим вас от боли, — сказал хирург.

— Блокируете мои болевые центры? — спросил Олфайри. — Перережете нервные пучки?

Ему показалось, что хирурга позабыли его вопросы.

— В нервной системе человека нет болевых центров. Есть лишь рецепторы, которые принимают и классифицируют нервные импульсы, поступающие от различных органов. А затем реагируют в соответствии с модальностью полученного сигнала. «Боль» всего лишь обозначение определенной группы импульсов, не всегда неприятных. Мы изменим контрольный орган, принимающий эти импульсы так, что они не будут ассоциироваться с болью. Вся информация по-прежнему будет поступать в мозг. Но то, что вы чувствуете, уже не будет болью.

В другое время Олфайри с удовольствием обсудил бы с хирургом нюансы хиннерангийской болевой теории. Теперь

его вполне устроило то, что он мог загасить огонь, бушующий в горле.

И действительно, боль исчезла. Олфайри лежал в люльке из какого-то клейкого пенообразного материала, пока хирург готовился к следующему шагу: удалению поврежденных тканей, замене клеточного вещества, восстановлению пораженных опухолью органов. Олфайри свыкся с блестящими достижениями техники, тем не менее операции хиннерангийцев представлялись ему чудом. Вскоре от его шеи осталась лишь тоненькая полоска кожи. Казалось, еще одно движение луча скальпеля, и голова Олфайри отделится от тела. Но хирург знал свое дело. Когда операция закончилась, Франко мог говорить сам, без помощи вживленного прибора. Он вновь обрел гортань, голосовые связки. И сердце его гнало кровь по новым органам.

А рак? С ним покончено?

Хиннерангийцы не успокоились. Они охотились за дефектными клетками по всему телу Олфайри. Он узнал, что колонии раковых клеток обосновались в его легких, почках, кишечнике. Врачи потрудились на славу. Они удалили Франко аппендицит и подлечили печень, чтобы она до конца дней справлялась с белым миланским вином. Потом его послали на отдых.

Олфайри дышал воздухом Хиннеранга и наблюдал за четырьмя лунами, пляшущими, как газели, на небе незнакомых созвездий. Тысячу раз в день он прикладывал руку к шее, еще не веря в тепло вновь обретенной плоти. Ел мясо неизвестных животных и с каждым часом набирался сил.

Наконец, Олфайри пригласили в лабораторию и тем же путем вернули на Пересадочную станцию.

— Вы немедленно приступаете к работе, — сказал Вуор. — Теперь это ваш офис.

Они находились в овальной комнате с розовыми излучающими свет стенами. За одной из них находилась лаборатория, в которую прибывали просители. Вуор показал, как действует переключатель, открывающий визуальный доступ в лабораторию с любой стороны.

— В чем будут заключаться мои обязанности? — спросил Олфайри.

— Сначала я покажу вам Пересадочную, — ответил Вуор.

Олфайри пошел следом. Ему казалось, что станция представляет собой вращаю-

щееся в космосе колесо, разделенное на многочисленные отсеки. Но отсутствие иллюминаторов не позволяло подтвердить или опровергнуть это предположение. Размеры станции не поражали воображение. Значительную часть ее занимала силовая установка. Олфайри хотел бы осмотреть генераторы, но Вуор увлек его дальше, к маленькой каюте, где ему и предстояло жить пять лет.

Инопланетянин явно спешил. Молчаливые фигуры встречались им в коридорах, представители пятидесяти цивилизаций. Почти все могли дышать кислородной атмосферой станции, но кое-кому приходилось надевать маски, и оттого они казались еще более загадочными. Некоторые кивали Вуору, с любопытством разглядывали незнакомца.

Наконец, Олфайри и Вуор вернулись в офис с розовыми стенами.

— В чем будут заключаться мои обязанности? — повторил Олфайри.

— Вы будете встречать тех, кто прибыл на Пересадочную станцию с тем, чтобы попасть на нужную ему планету.

— Но это же ваша работа!

— Была, — ответил Вуор. — Мой срок истек. Должность становится вакантной, и вы займете ее. Как только вы приступите к работе, я уйду.

— Вы говорили, что я буду заниматься административной деятельностью. Организовывать, планировать...

— Это так и есть. В каждом случае вы должны учесть мельчайшие детали. У вас неограниченные возможности. И вы должны объективно оценить, кого послать дальше, а кого отправить назад.

У Олфайри задрожали руки.

— Я должен это решать? Дать жизнь одному и приговорить к смерти другого? Нет! Мне это не нужно. Я не бог.

— Я тоже, — сухо ответил инопланетянин. — Вы думаете, мне нравится эта работа? Но теперь я могу не думать о ней. Мой срок истек. Я был богом пять лет, Олфайри. Но вот пришла ваша очередь.

— Дайте мне любую другую работу. Неужели нельзя поручить мне что-то иное?

— Конечно, можно. Но эта должность подходит вам больше всего. Вы не боитесь принимать решения. И еще, Олфайри, не забывайте о том, что вы — мой сменщик. Если вы не согласитесь на эту ра-

боту, мне придется остаться до тех пор, пока не найдется подходящий кандидат. Я достаточно долго был богом.

Олфайри долго молчал, вглядываясь в золотистые глаза-щелочки, и впервые, как ему показалось, смог истолковать их выражение. Боль. Боль Атласа, несущего целый мир. Вуор страдал. И он, Франко Олфайри, мог облегчить эту боль, переложив непомерную ношу на свои плечи.

— Вашу просьбу удовлетворили, приняв во внимание, что вы согласились поработать на Пересадочной станции. Теперь вы знаете, что вам надо делать. Это ваш долг, Олфайри.

Олфайри понимал, что Вуор прав. Что бы они предприняли, откажись он от предложенной должности? Вернули ему опухоль? Нет. Подобрали бы другую работу. А Вуор остался бы в розовом офисе. Страдающий инопланетянин подарил ему жизнь. И он не мог отплатить злом за добро, хотя бы на час продлив срок Вуора.

— Я согласен, — ответил Олфайри.

Ему пришлось кое-чему научиться, прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей. Работал он много, а отдыхал лишь несколько часов в день. Но он жил. И мог предвкушать будущее, раскинувшееся за пятью годами.

Просители шли один за другим.

Не всем требовалась медицинская помощь, но каждый имел достаточно веское основание для путешествия по Провалу. Олфайри разбирал их просьбы. Его никто не ограничивал. Он мог отправить всех к желанной планете, если бы счел это необходимым, или вернуть назад. Но первое означало бы безответственность, второе — бесчеловечность. Олфайри судил. Он взвешивал все «за» и «против» и, удовлетворяя просьбы одних, отказывал другим. Число каналов было большим, но не бесконечным. Иногда Олфайри представлял себя регулировщиком транспорта, иногда — демоном Максвелла.

Отказы переносились болезненно. Некоторые просители впадали в ярость и выкрикивали бессвязные угрозы в его адрес. Другие спокойно говорили о вопиющей несправедливости с его стороны. Олфайри привык принимать трудные решения, но его душа не успела окончательно загубеть, и он сожалел о том, что просители относили отказ на его счет. Кто-то должен был выполнить эту

работу, и Олфайри не мог отрицать, что находится на своем месте.

Естественно, он не был единственным диспетчером Пересадочной станции. Поток просителей направлялся в разные офисы. Но в сложных случаях коллеги приносили решение на его суд, и за ним оставалось последнее слово.

Пришел день, когда перед ним появился гуманоид с красновато-коричневой кожей, конечности которого заканчивались венчиком извивающихся щупалец, обитатель Хиннеранга. На одно ужасное мгновение Олфайри подумал, что перед ним — хирург, оперировавший его шею. Но сходство оказалось чисто внешним. Проситель не был хирургом.

— Это Пересадочная станция, — сказал Олфайри.

— Мне нужна помощь. Я — Томрик Хориман. Вы получили мое досье?

— Да, — ответил Олфайри. — Вам известно, что тут мы ничем не сможем вам помочь? Мы можем лишь послать вас туда, где вам окажут требуемую помощь. Расскажите мне о себе.

Щупальцы извивались, полные душевной боли.

— Я выращивал дома, — начал хиннерангиец, — и перерасходовал капитал. Моя фирма под угрозой краха. Если я смогу попасть на планету, где мои дома вызовут интерес, дело можно поправить. Я хотел бы выращивать дома на Мелкноре. Наши расчеты показывают, что там они могут найти широкий спрос.

— Мелкнор не испытывает недостатка в жилищах, — ответил Олфайри.

— Но там любят новизну. Они бросятся покупать. Иначе мою семью ждет разорение, добрый господин! Потеряв честь, я не смогу жить. У меня дети.

Олфайри знал об этом. Как и о том, что хиннерангиец сказал правду. Если путь на Мелкнор будет закрыт, ему не останется ничего другого, как покончить жизнь самоубийством. Так же, как и Олфайри, на Пересадочную станцию Томрика Хоримана привела смертельная угроза.

Но Олфайри обладал особым даром. А что мог предложить хиннерангиец? Он хотел продавать дома на планете, которая в них не нуждалась. Он возглавлял одну из многочисленных фирм, и к тому же, оказался плохим бизнесменом. Он сам навлек на себя беду, в отличие от Олфайри, который не напрашивался

на раковую опухоль. Да и смерть Томрика Хоримана не стала бы огромной потерей ни для кого, кроме ближайших родственников. К своему сожалению, Олфайри понял, что в просьбе придется отказать.

— Скоро мы объявим вам о нашем решении, — сказал Олфайри.

Он затемнил стены лаборатории и собрал диспетчеров. Они не стали оспаривать мудрость его решения. Поворот переключателя, и перед ним вновь возник хиннерангиец.

— Я очень сожалею, но в вашей просьбе отказано.

Олфайри ждал, какова же будет реакция? Злость? Истерические угрозы? Отчаяние? Холодная ненависть? Раздражение?

Нет, он ошибся. Продавец домов лишь спокойно смотрел на него, и Олфайри, который пробыл среди хиннерангийцев достаточно долго, чтобы правильно истолковать их невысказанные чувства, ощутил накатывающий на него вал печали. Томрик Хориман жалел его, диспетчера Пересадочной станции.

— Простите меня, — сказал хиннерангиец. — Вы взвалили на себя непосильное бремя.

Олфайри потрясла боль, сквозившая в этих словах. Хиннерангиец печалился не о себе, но о нем. И Олфайри едва не пожалел о том, что вылечился от рака. Сострадание Томрика Хоримана оказалось слишком тяжелым для него.

Томрик Хориман сжал поручень и готовился к возвращению на Хиннеранг. На мгновение его взгляд встретился с глазами землянина.

— Скажите мне. Ваша работа... Такая непомерная ответственность. Каким образом вы согласились?

— Меня приговорили к ней, — ответил Франко Олфайри. — За мою жизнь назначили цену — мою жизнь. Я никогда не испытывал таких страданий, будучи умирающим человеком.

Олфайри нахмурился и нажал на кнопку, послав Томрика Хоримана на его родную планету.

Перевод В. А. ВЕБЕРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

СБОРЩИК ОБРАЗЦОВ

Эрик СИМОН

Человек как биологический вид, несмотря на свою приспособляемость, не годится для жизни и работы в Космосе или какой-либо другой чуждой среде...

Эту работу могли бы выполнять специальные кибернетические устройства, которые при неожиданных изменениях ситуации были бы способны принимать самостоятельные решения.

И. С. Шкловский,
«Проблемы внеземных цивилизаций и их биологические аспекты»

1. ТРЕТИЙ УЧАСТНИК ЭКСПЕДИЦИИ

Микола Северденко, геолог с двухлетним стажем, считал себя самым несчастным человеком на земле. И вправду, не было никого несчастнее, если не на планете, то в радиусе десяти километров — уже потому, что никого другого здесь вообще не было.

Трясаясь в седле, Микола размышлял о судьбе великих первооткрывателей и исследователей. Все, открывшие что-нибудь действительно важное: рычаг, лук и стрелы, способ зажигать огонь, колесо — все остались неизвестными. В том числе и тот гений, который первым установил, что ехать верхом, лежа на животе, так же неудобно, как и стоя на коленях.

Микола натянул поводья, и лошадь послушно остановилась. Это было славное животное, ничуть не повинное в беде своего хозяина. Виноват был начальник, который счел радиостанцию излишней роскошью для экспедиции, и водитель Сения, допустивший, чтобы машина вышла из строя в девяноста километрах от ближайшего поселка. Но больше всех виноват был он сам: ведь предлагал встретившийся чабан съездить в поселок за подшиппником. Надо было соглашаться, но нет, он, Микола Северденко, третий участник экспедиции, припомнив, что однажды уже сидел на лошади, самоуверенно объявил: «Поеду сам». И вот теперь он сидит здесь, в пустынной степи, и как раз то, что сидит, и есть самое мучительное.

Микола слез, чтобы идти рядом с лошадью, кличку которой он даже забыл спросить, — но ему было ясно, что скоро придется садиться в седло, потому что пешком он движется слишком медленно. А что если ухватиться за подпругу, пустить лошадь рысью, а самому побежать рядом?

Х. ТРЕТЬЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЗЕМЛЮ

Это была третья экспедиция на Землю. Разведывательная ракета уже давно обнаружила эту планету, но ограничилась тем, что собрала с помощью аппаратуры предварительную, самую общую информацию. Когда было точно установлено, что планета населена разумными существами, ракету тотчас отозвали: консилиум

решил только тогда вступить в тесные сношения с аборигенами, когда и о них, и об их планете будет собрано достаточно сведений.

Действовать решили осторожно. Сначала нужно было ознакомиться с природными условиями. Автоматы второй экспедиции были запрограммированы специально на это, но во время приземления корабль взорвался над обширным лесным массивом. Консилиум опасался, что взрыв мог насторожить обитателей планеты. Поэтому было предписано впредь соблюдать сугубую осторожность и, пока общая ситуация не выяснится, ни в коем случае не вступать с планетянами в контакты.

Перед третьей экспедицией поставили задачу: в каком-нибудь пустынном, ненаселенном районе с помощью автоматов изучить геологическое строение местности, ее флору и фауну, а также собрать образцы.

2. ЗАГАДОЧНЫЙ КИРПИЧ

Попытка бежать рядом с лошадью окончилась плачевно. Микола уже проделал немалый путь, как вдруг, поскользнувшись на камне, оступился и упал. Сначала он ничего не почувствовал, но через несколько шагов ногу пронзила боль. Пришлось снова трястись в седле. Боль не отпускала, лодыжка распухла. Теперь геолог едва мог сделать десяток шагов. Но все-таки, если он правильно понял объяснения чабана и если его компас не врет, — добрая половина пути уже позади. Зато вторая половина будет еще труднее, уж это ясно.

Лошадь внезапно встала и настороженно повернула голову направо. Микола оглянулся и в один момент забыл про свои мучения. Он увидел летящий кирпич. Мгновенно прикинув на глазок расстояние, понял, что это какой-то гигантский кирпич, больше десяти метров длиной. На каждом углу странного кирпича находился пучок длинных антеннообразных ответвлений. Но по форме это был все-таки обычный строительный кирпич, обычного «кирпичного» цвета. Кирпич летел в метре от потрескавшейся земли, кое-где поросшей скудной растительностью, и слегка покачивался вокруг вертикальной оси. Он стремительно приближался.

Прежде чем всадник смог что-либо сооб-

разить, лошадь приняла в высшей степени разумное решение: решила спастись бегством. Микола, едва не вывалившись из седла, крепче ухватился за поводья; за неимением лучшей идеи, он присоединился к мнению своей лошади. Но слишком поздно: летающий кирпич был быстрее. Что-то вдруг затормозило лошадь, и она остановилась, словно натолкнувшись на стену из ваты. Геолог почувствовал в испуге, что какая-то невидимая сила сковывает его движения. Последнее, что он заметил, было раскрывшееся днище кирпича.

Потом его окружила тьма, и больше он ничего не помнил.

Х0. ЗАГАДОЧНОЕ СУЩЕСТВО

По человеческим понятиям, сильное возбуждение нескольких узлов главного компьютера означало неудовольствие; впрочем, такое сравнение вряд ли правильно, так как центральная система по переработке информации у посадочного комплекса не столь тонко организована, как человеческий мозг. Но поскольку неудовольствие — простейшая эмоция, то компьютер, пожалуй, был способен находиться в похожем состоянии, ведь результаты третьей экспедиции были пока что ничтожными. Картина изменилась, когда модуль-сборщик прибыл со своей добычей. Редко случалось, чтобы попадалось такое крупное животное.

С надлежащими предосторожностями добыча была перемещена из модуля в приемный отсек посадочного комплекса. Затем главный компьютер отправил модуль на новые поиски и, согласно программе, начал осмотр отловленного экземпляра. Во всех стенах приемной камеры открылись маленькие окошечки, из отверстий выглянули всевидящие объективы оптической регистрации. Главный компьютер использовал полученные фотоданные и составил заключение: речь идет о впервые обнаруженном представителе планетной фауны, который кажется особенно интересным, так как отличается от всех до сих пор изученных особей. Он отдаленно похож на давно имеющееся в коллекции четвероногое травоядное, но позади нормальной первой головы имеет вторую; она соединяется с туловищем посредством удлинённого горба, который к тому же обладает двумя

добавочными конечностями. Экспедиция уже находила на этой планете существа с шестью конечностями, но те были значительно меньше и совсем иначе устроены. Существо с двумя головами было поймано впервые.

На второй стадии обследования изучались реакция и двигательная способность странного создания, поэтому главный компьютер отключил силовое поле, сковывающее пойманную особь. Как обычно в таких случаях, существо реагировало довольно бурно: оно активно двигало передней головой, крутилось на месте и выбрасывало то передние, то задние ноги. Вторая голова и верхняя пара конечностей не проявляли способности к активному движению.

Вдруг рабочая система главного компьютера получила тревожный сигнал: пойманное двухголовое существо исчезло, вместо него в приемной камере появились два новых существа — одно четвероногое и одно двуногое. Последнее неподвижно лежало на полу отсека. Оно и было причиной тревоги: главный компьютер тотчас установил, что приметы двуногого полностью соответствуют описанию разумных обитателей планеты, которые, согласно программе, не подлежали отлову. Даже встречи с ними были категорически запрещены.

Главный компьютер не строил гипотез насчет того, куда делось двухголовое существо. Он выполнил то, что ему предписывала программа: разумное существо было тут же погружено в один из модулей-сборщиков, который перенес его за пределы зоны видимости посадочного комплекса и там немедленно выпустил.

3. ВСАДНИК БЕЗ ЛОШАДИ

Когда Микола Северденко очнулся, он увидел на фоне плоского горизонта приземистый колючий кустарник, к которому протянулась широкая длинная тень. Прошло некоторое время, прежде чем он догадался, что это его собственная тень. Мысли текли вяло, чувствовалась смертельная усталость, может быть оттого, что Микола долго провалился под заходящим солнцем.

Но тут боль, снова пробудившаяся в левой ноге, заставила геолога окончательно очнуться. Он вспомнил все, что с ним произошло, вплоть до того мгновения, когда, оказавшись внутри летающего

кирпича, потерял сознание. Однако Микола сомневался в реальности этого необычайного происшествия.

Он не имел понятия, где находится, и совсем не представлял себе, как будет двигаться дальше. С больной ногой далеко не уйти. Микола попытался двигаться. Метров через пятьдесят у него потемнело в глазах, а еще через пятьдесят он понял, что больше не повторит такую попытку. Теперь уже всерьез несчастный бедолага настроился на ночевку в степи. Что еще оставалось делать?

Он сидел на земле, сжавшись в комок, озябший и голодный. Провизия осталась в седельной сумке, спальный мешок тоже исчез вместе с лошадью. Закат был очень красочным, но это ничуть не утешало. Потом высыпали мерцающие звезды; в другое время он охотно полюбовался бы ими и помечтал о том, что некоторые из них, наверное, тоже обитаемы, но на этот раз ясное небо только предвещало ему особенно холодную ночь.

ХОХ. ЛОШАДЬ БЕЗ ВСАДНИКА

После того, как первоочередная часть программы была выполнена и разумное существо отпущено на свободу, главный компьютер обратил внимание на второе животное, которое энергично двигалось в узкой приемной камере. Анализ его характеристик показал, что это четвероногое является представителем вида, один экземпляр которого уже имеется в коллекции. Так как посадочный комплекс обладал ограниченной емкостью, компьютер, согласно программе, избавился от дубликата. Силовое поле перенесло его в степь и там отключилось. Дубликат сначала поскакал прочь, потом успокоился и затрусил рысцой.

4. ПОВТОРНАЯ ВСТРЕЧА

Несмотря на холод и боль в ноге, геолог уснул. Спал беспокойно. Проснулся не очень отдохнувшим. Было уже светло. Он угрюмо и сонно взглянул на степь и на лошадь, которая, заслоняя восходящее солнце, мирно ощипывала сухие былинки с одинокого пучка травы.

Микола тотчас вострепнулся и вскочил, забыв про поврежденную ногу, которая сразу же напомнила о себе. Он подозревал

лошадь; она подошла, и геолог уверился, что это не мираж. И главное, не были миражом хранящиеся в сумке провизия, карта и компас! Микола не стал раздумывать обо всех этих удивительных происшествиях и все свое внимание обратил на еду.

Потом он вскарабкался в седло и пустился в путь. Карта и компас ему мало чем могли помочь, поскольку он все еще не знал, где находится, но теперь, когда он нашел лошадь (или она его), все выглядело не так уж плохо. Он надеялся, что куда-нибудь да приедет, и если не доберется до цели, то выедет к какому-нибудь другому поселку.

ХОО. ПОВТОРНАЯ ВСТРЕЧА

Кирпично-красный прямоугольник, поддерживаемый силовым полем, медленно летел над степью. Пучки антенн на его углах настороженно шевелились. Вдруг они застыли неподвижно — обнаружилось крупное существо. Слегка покачиваясь вокруг оси, модуль-сборщик двинулся целенаправленно. Он был рад, что внезапно исчезнувший двухголовый зверь опять нашелся, — если, конечно, соответствующие конфигурации электрических потенциалов, не осознаваемые роботами, можно обозначить как радость.

Перевод с немецкого
Е. Н. ГИЛЯРОВОЙ

Рисунки И. Максимова